

СМЕНА

9

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПОД СОЛНЦЕМ МАЯ

Слова А. ПРИШЕЛЬЦА.

Музыка В. КЛЮЕВА.

Напевно, не загибая

На по-лях шумит зеленый май, все са-
ды в цвету, как в белой пене. Край ты наш, родной советский край, нынче весь ты словно сад весенний!

Днем - с победами вперед! [Всегда вперед!]
Все вперед, нмх путей не знаем! [Всегда вперед!]
Нас на подвиг Родина зовет, И ведет нас партия родная.

Мы живем одной большой семьей,
Наша дружба нам всего дороже,
Друг за друга мы стоим стеной
И друзьям в любой беде поможем.

Так цвети, все краше расцветай!
[Так расцветай!]
Пусть шумят твои леса и нивы,
Край ты наш, родной советский край,
Самый светлый в мире и счастливый!

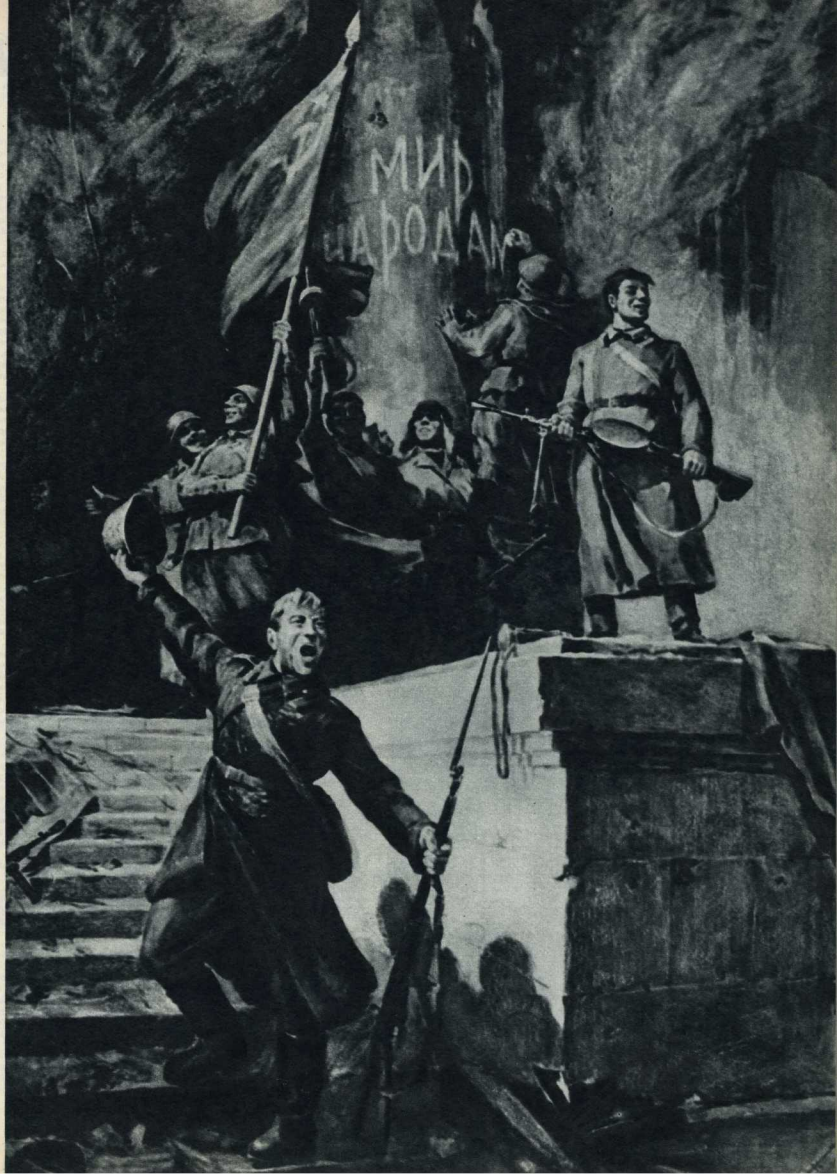
Для оркестра! Для солистки

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Май, № 9, 1958 год.

Год
издания
35-й

НАД СТРАНОЙ

ПОРА ЦВЕТЕНИЯ

Именишка весна — двадцать девять лет весна о моей жизни — принесла мне большую радость: 16 марта избиратели города Сталино выбрали меня, сталевара металлургического завода, депутатом Верховного Совета СССР.

Мне, простому рабочему, была оказана высокая честь — быть слухом народа. Трудно представить полемца, с которого я ехал в Москву, на первую сессию Советского парламента.

Сейчас уже ступил в силу и действует принятый Верховным Советом СССР Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-трактор-

ных станций. В колхозы идут десятки тысяч трактористов, комбайнеров, агрономов, шоферов, электриков, слесарей. Создаются новые бригады, в которых вместе с механизаторами будут работать рабочие колхозники. И надо ли доказывать, что очень это здорово, когда будет на колхозной земле один рачительный хозяин — колхоз... Да, советское село переживает новую весну небывалого расцвета!

Миллионы простых людей всех стран обоготят замечательную инициативу Советского правительства об одностороннем прекращении испытаний атомных и водородных бомб. Простые люди земли увидели в этом постановлении светлый луч надежды; оно олицетворяет их в трудной борьбе за право на труд, за свободу и мир.

А каких небывалым трудовым подъемом огнетили трудящиеся нашей страны на речах, принятых Верховным Советом, на работе партии и правительства о дальнейшем укреплении мощи Советского государства, о повышении благосостояния народа!

Еще находку в Москве, на сессии, я получаю телеграмму от своих товарищей — сталевара первой мартовской печи Аксенова, подполковника Федона и Вассица. Телеграмма эта была лаконична и выразительна:

«ВДАЛИ 172 ТОННЫ ДОБРОТНОГО СТАЛИ СВЕРХ

ПЛАНА ЭТО СВАРИЛИ СЕМЬ СКОРОСТНЫХ ПЛАВОВ ЭТО 26 МАРТА ДОСРОЧНО ЗАВЕРШИЛИ КВАРТАЛЬНЫЙ ПЛАН ЭТО У НАС ПОДАРОК СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР».

А когда я вернулся в Дюбасс, на родной завод, то услышала, с какой теплотой говорили на митинге о результатах сессии наших металлургов. Сталевалальщики обязались досрочно завершить апрельское задание, сэкономить десятки тысяч рублей. Своим словом мы справились!

Рабочие вести идут со всех концов страны. Встают на трудовую вахту металлурги Магнитки. Досрочно выполняли задание четырех месяцев харьковские тракторостроители. Горняки рудника имени Державинского создают фонд сверхплановой руды для домашних печей, которые строят комсомол Украины... Все наши советские люди, где бы они ни трудились, работают сегодня еще лучше, чем вчера, чтобы богаче и краше стала жизнь.

Весна — пора цветения. Цветения садов, полей, лугов... Но нынешняя весна — это пора юного бурного цветения и нашей жизни. И хочется мне от души пожелать моим сверстникам: пусть эта весна живет в сердце каждого парня и девушки и длится нескончаемо!

Владимир ПЕРЕБИНСКИЙ, сталевар Сталинского металлургического завода, депутат Верховного Совета СССР.

МНОГО РАДОСТИ НА МОЕЙ ЗЕМЛЕ!

Бывает с человеком такое: идет он по знакомой, давно искоженной улице и вдруг впервые видит, какая она широкая. Смотрит на небо, в котором давно приглядясь, и впервые замечает, какое оно чистое. В тысячный раз входит в проходную завода и останавливается, пораженным: до

чего, оказывается, красива его родная завод! И не может порой понять человек: от чего это? Или вокруг него больше радости стало, или в нем самом эта радость?

У меня сейчас точно такое состояние. Может, это оттого, что в город пришла весна. А может, и по другой причине!

Одно время наступили у нас в сталеварском цехе тревожные дни. На участке, где отливали торцовые крышки для шаровых мельниц, шел брак. Литейщики, технологи, руководители цеха нервно качали, бесконечно совещались и спорили. Штука ли, каждая тонна стоит почти полторы тысячи рублей!

Я работал на другом участке и о неприязни там на литье крышек услышал тогдашний по цеху. Они так глубоко переживали неудачи, что остались безучастным было немыслимо. И я тоже «заболел»: стал ходить на участок, наблюдать, как идет заливка форм.

Однажды пришла мне мысль: не оттого ли брак, что формы запыляются жидким металлом слишком медленно? Ведь при такой заливке поверхность металла быстро отстывает, на ней появляется плотная корочка, которая препятствует выходу газов. Вот и образуются самые «газовые» раковины, из-за которых деталь идет в брак. Значит, нужно вести заливку не через один, а через два литейника!

Поделился я своим мыслям с технологом цеха Павлом Кузьминым Богдановым и заведующим техническим бюро Александром Ивановичем Чубаровичем. Они сказали, что мысль стоящая, что надо мне сейчас же разработать это свое рационализаторское предложение и подать заявку в БРЗ.

Потом, когда предложение ехало по всяким инстанциям, они оба здорово меня поддерживали. А «ходило» предложение долго... Но время это прошло, и о нем не хочется теперь говорить. Приятней «вспоминать» о другом...

На участке собрался все технологи и руководители цеха, представители отдела вентиляции шахтинки. Шла первая пробная заливка по новому методу. Заранее была приготовлена специальная форма. Когда металл поднялся выше до определенного уровня, поступала смесь порошка горячего металла, которая должна была разрушить начинавшую образовываться корочку и способствовать свободному выходу газов.

Заливка прошла хорошо. Деталь вынули из формы, пометали и передали в механический цех. За ходом детали следил внимательно и напряженно. После обработки ее с особым пристращением осмотрели приципные контролеры ОТК и не нашли ни одного существенного дефекта. Затем отшли пробную партию. Брак не был!

Нашему цеху дали разрешение на серийное производство торцовых крышек новым методом. И к этому времени литейщики нашей messo труднейшим процесс изготовления литейной формы, и мое предложение как бы осуществилось. Теперь вы уже будете давать около двести тысяч рублей экономии в год.

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР ВЕЕТ

Вот такая у меня радость... Может, оттого и кажется мне еще красивее родной Уралаш. Но не мне одному это кажется. Мои друзья-уралмашевцы тоже находят, будто все вокруг стало еще прекраснее. И я подумал: по улицам моего города ходят тысячи людей — и у каждого своя радость. В заводских корпусах трудятся тысячи моих товарищей — и у каждого своя удача. Так сколько же человеческой радости на моей советской земле!

Мне даже думается: оттого, что есть на земле радость, способен человек видеть весну.

Родомир СОБОЛЕВ
г. Свердловск.

РАБОТАТЬ С ПЕСНЕЙ

Люблю, открыв окно, посмотреть с высоты шести—семи этажей на оживленные московские улицы, на синее небо, слоняно приподнятые стрелами башенных кранов. Кругом, куда ни кинешь взгляд, стройки, стройки... Растет и хорошеет столица, и радостно сознавать, что доля и твоего труда вложена в общее дело.

По профессии я маляр и работал сейчас на строительстве семизэтажного дома на Бутырском тупике. Дом уже почти готов. Наше здание — Саша Живоложков, Аля Фартушник, Мария Винова и я — занимается отделкой здания. Трудимся на совесть, ежедневно выполняем норму на 140—150 процентов. Каждому из нас понята задача, которую поставили перед строителями Коммунистическая партия и Совет-

ское правительство, — в ближайше десяти — двадцать лет разрешить жилищную проблему. И хочется работать еще лучше, работать с песней, как говорит наш зеленевый Саша Живоложков.

Часто, проходя по комнатам пока еще пустынного дома, мы думаем, сколько людям принесет он счастье. Хорошо бы строителям, товарищ!

Владимир ТАНДУРА,
маляр треста «Мосгострой».

ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ

Как-то в начале апреля вышли мы, колхозные механизаторы, поутру за станцию и ахуки. Омыва теплым дождем, в блеске изумрудных капелек на оземь,

в черном бархате зяби лежала перед нами степь-красавица. И тогда один из нас сказал:

— Ну вот, хлопцы, наступило наше время...

Каждому хлеборобу понятно, конечно, наше состояние в тот миг: ведь весна — это начало битвы за урожай. А нынешняя весна особенно: по-новому мы, механизаторы, начинаем в этом году работать. Закон о реорганизации машинно-тракторных станций открыл перед хлеборобами новые дали.

Мне сейчас вспоминаются дни, когда механизаторы обсуждали тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева. Было также обсуждение и в нашей комсомольско-молодежной бригаде. Первым на собрании взял слово тракторист Павел Миненко.

— Я готов вступить в колхоз, — сказал он.

Его поддержал Иван Маенко: — Я тоже. Вот только жалко, бригада распадается...

Мысль о тракторной бригаде никому раньше не приходила в голову. И все невольно задумались: как же быть?

— Тракторную бригаду надо сохранить, — заговорила ученик Александры Валько — Всяй бригадой пойдем в колхоз!

— И будем просить, чтобы за нами закрепили машины, на кото-

Новые суда приходят на Волгу... Возвизавсь над водой, жинит на своих водондных крыльях теплоход «Рамета».

Фото В. Бородина.

рых мы работали раньше, — предложил комсорг бригады Иван Хиняк.

— Правильно! — поддержали его другие трактористы. Желание трудиться на своих машинах понтино: привик каждый к своему агрегату, изучил его досконально. Ведь в прошлом году вместе с колхозниками бригада вырвала по 30,2 центнера колосовых да подсолнечника по 30,7 центнера с гектара. За год мы сэкономили около 12 тонн горючего и 15 тысяч рублей деньгами.

Недавно в МТС был подписан акт о продаже 8 тракторов и 5

комбайнов колхозу «Путь к коммунизму». Правление закрепило эту технику за нашей комсомольско-молодежной комплексной бригадой. Сейчас мы работаем на колхозных тракторах и стремимся еще производительнее использовать их в поле.

...Теплое кубанское солнце быстро сушит землю. Над полями с утра до позднего вечера висит гул машин. Ведь весна не ждет!

Василий ЗАЙЦЕВ, механик комсомольско-молодежной комплексной бригады.

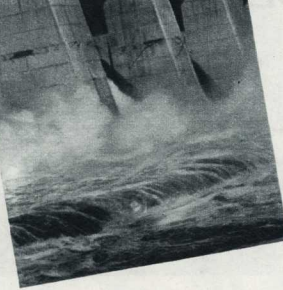
Колхоз «Путь к коммунизму», Краснодарский край.

Ни днем, ни ночью не стихает гул моторов на необозримых просторах Кубани. Механизаторы упрямы в этом году шедрая кубанская земля даст особенно богатый урожай.

Фото В. Шувалова.

НАД СТРАНОЙ ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР ВЕЕТ

ЛЕГЕНДА СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Много легенд и песен сложено про Ангару — голубую, стремительную, по силе ее — дикую и необоримую. Слушая я в детстве рассказы бывалых людей, познававших сибирские края, и думал: что это за река такая в таежной стороне? Слушал и мечтал: может, когда-нибудь и мне доведется побывать в той сибирской стороне, своими глазами взглянуть на красавицу — дочь Байкала...

И вот сбылась моя мечта: приехал я на Ангару. Только привело

меня к сибирской реке не простое мальчишеское любопытство. По примеру тысяч ларней и девушек, моих погодок, я привлек сюда, чтобы строить Братскую ГЭС.

Когда я прибыл в Братск, на обоих берегах Ангары уже кипела работа. Шум воды заглушался грохотом взрывов, скрежетом и лагом ковшей, врезавшихся в землю. Выросли зеленые кварталы палаточного городка, а рядом с ними первые, по-сибирски ладно срубленные дома. И на полуострове неподалеку строили укрепленного у въезда в поселок лозунги: «Встретит жизнь борьбой суровой — не беда, ты полюбишь край свой новый навсегда! — на эти строки давно ничего не обращая внимания: их знали наизусть, как слова хорошо известной песни.

Меня направили на правый берег. — Там сейчас самая горячая пора, — сказал Аркадий Морозов, секретарь стройкома комсомола. — И шиферы нужнее всего там.

Самым удивительным, пожалуй, было то, что меня ни на минуту не покидало пылкое чувство — чувство ожидания завтрашнего дня. Позже я понял: породила его сама жизнь, окурившая нас, бурлящий водоторок событий.

Основу меня набрали секретарем комсомольской организации автохозяйства. Ребята в комитете подбирались хорошие, деловые. Мы начали борьбу за экономию топлива, масла, резины, за увеличение вывозки грунта. Ведь шла подготовка к решительному штурму Ангары — перекрытию прорыва верхней перемычки.

И надо сказать, наши ребята не подкачали, когда начался этот штурм. Честное слово, работали мы как черти. Куда там норма — шесть рейсов! Мы делали восемнадцать и не вылезали из кабин по доезжим. В прорыв страшно было смотреть, скорость воды становилась все больше и больше. Казалось, река сорвет широкий настил и швырнет его вместе с людьми и машинами в кипящую водопла. Поток смывал гудовые глыбы, как песчинки. А самосвалы все шли один за другим и сбрасывали камни в прорыв. На их бортах были выведены четкие слова: «Покорись, Ангара!» Мы не замечали, как летели часы; мы глядя машины, словно стремились опередить время. И вот в дело пошли самые крупные глыбы диабазы, заранее приготовленные на берегу. Ангара покорились... Люди обнимались, поздравляли друг друга с победой.

Это было весной прошлого года.

Сейчас на Ангару пришла весна. На широких проталинках появились первые подснежники. Зацветает бугельник. А строители готовятся еще к одному штурму: скоро в платину гидроэлектростанции пойдет «большой бетон».

Пройдет три года — и первый генератор крупнейшей в мире ГЭС даст промышленный ток. На берегах Братского моря раскинется прекрасный город. Новые паводки и паводки родятся здесь, на стремительной Ангаре, и просят от нашего сверстника, бесположного искателя трудовых дорог.

Виктор КАРЦЕВ, шеффер автохозяйства Братскогостроя.

ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Беспокойные дни сейчас у нас, десятиклассники: скоро начнутся экзамены, последние экзамены в школе. Множество вопросов волнует выпускников. Подать ли заявление в вуз? Пойти ли работать на завод, а потом заново учиться? Сколько разных дорог впереди — выбирать люблю.

Лет пять назад мне казалось, что я уже определила свой путь: десятилетка, а затем институт. И вдруг мой план поколебался. Это случилось в позарешном году, когда двоюродный брат Саша, окончив среднюю школу, пошел строить жыльные дома. А вскоре мне с классом пришлось побывать на заводе электротермического оборудования. Нельзя сказать, чтобы мы были поражены там громадностью цехов и сложностью машины. Нет, на других заводах бывает даже интереснее. Но мое внимание привлекла девушка-токаря. Маленькая, худенькая, она так уверенно орудовала у станка — ну, прямо как настоящая хозяйка! Мы разговорились. Оказывалось, окончив среднюю школу, девушка поступила на завод и приобрела здесь специальность.

— Я много поговорила на заводе с мастерами, — сказала она мне на прощанье, — лучше разоблачал в своих склонностях и стремлениях. Можно сказать, с жизнью здесь познакомились. А то ведь судили раньше о ней больше по книгам.

Эти слова заставили меня задуматься. Саша велел мне то же

самое говорил. Кстати, он сейчас работает на той же стройке и учится в автородном институте на факультете гражданско-строительства и мостов. И я решила: пойду на завод, стану токарем, внесу в жизнь что-то свое, нужное людям. Тогда я вернее найду свою заветную дорогу.

Вioletta ФУЗАНОВА, ученица 10-го класса средней школы № 9, г. Саратов.

ХОРОШЕЕ СБЫВАЕТСЯ

В Тбилиси цветет сирень, буйной зеленью покрываются горы Мтацминда, а на проспекте Гурамия стоватные клены оделись желтыми... Хороша весна на моей родине!

Но для меня весна наступила немного раньше, и не в Тбилиси, а в Москве. Вместе с товарищами по театру я приняла в столицу как участница девки грузинского искусства. С увеличением годовщины мы к этой поезде. Как-то году показать все лучшее, что было создано за последние годы.

В балете Д. Торадзе «Гордыя» танцевала партию княжны Дидары. Дидары шлеть нас балет в Большом театре. Зрители горячо аплодировали! И теперь, когда я вспоминаю спектакли в Москве, у меня словно вырастают крылья: хочется работать еще лучше, хочется сделать как можно больше, чтобы оправдать любовь и заботу народа, открывшего нам, юношам и девушкам, безграничные возможности развивать свои способности.

Разве могла мечтать до Октябрьской революции женщина-грузинка о сценической деятельности, о профессии артистки! Семья, кухня — таков был ее удел. Совсем другое сейчас. Тысячи моих сверстниц учат детей, ведут исследовательскую работу в институтах, руководят цехами на фабриках и заводах.

Без всяких чудес сложилась и моя жизнь в искусстве: окончила хореографическое училище и поступила в Тбилисский театр оперы и балета. Сначала танцевала эпизодические партии в «Лабиринтах», «Мизантроп», «Дон-Кихоте». Потом мне стали поручать самостоятельные роли в балетах «Сердце горы А. Балачинвадзе», «Велюника П. Чайковского», «Сокровища Голубой горы С. Цинцадзе. Коллектив в нашем театре дружный. Мы вместе трудимся, вместе отдаем им, как говорится, все, что есть в нас.

Сейчас я работаю над ролью Лауренсии в одноименном балете А. Кривина. Роль мне уже знакома: я выступала с отрывками из этого балета на конкурсе Всесоюзного фестиваля в 1957 году. А в будущем очень хочется исполнить партию Дездемоны в балете «Отелло». Этот образ волнует меня очень давно. И я знаю, желание мое осуществится. Ведь хорошее всегда сбывается!

Людмила МИТАЙШВИЛИ, солистка балета Тбилисского театра имени 3. Палиашвили.

Эльза БАДЬЕВА

КРАСНАЯ ТАЛКА

Очерк

РАЗГОВОР В БРАТИСЛАВЕ

В гостинице было тихо. Молчаливо маячили за день телефоны, отдымали лифты. Дремал в глубоком кресле усатый швейцар. Листы были погнаны, светились только одинокие бра, неяркие и какие-то сонные. За массивным бюро сидела Илана — высокая тоненькая девушка. Она читала книгу, и свет от настольной лампы золотил ее пушистые волосы, рассыпавшиеся по плечам. Девушка подвинула, подала ключ и по-русски, с мягким трогательным акцентом сообщила:

— О вашей стране читаю. Про революцию.

Она улыбнулась и слегка смущившись, спросила меня:

— Скажите, пожалуйста, где это такая река — Талка?

Я ответила, как плохой учитель географии, что река Талка находится в Ивановской области, не очень далеко от Москвы, что на Талке в 1905 году произошла знаменитая стачка иваново-вознесенских ткачей.

— Она красная? — спросила девушка.

Слово «красная» в переводе с чешского значит «красавица». Я откровенно призналась, что не знаю. Не знала, потому что никогда не видела этой реки. Уже не замечая меня, Илана се-

ла на прежнее место, придвинула к себе настольную лампу и снова склонилась над книгой.

И вот — поездка в Иваново. Я хожу по городу, знакомлюсь с людьми и постоянно вижу перед собой пытливые глаза, слышу настойчивый вопрос Илана: «Какая она, Талка? Красная?» И, конечно, больше всего в городе интересуют меня теперь Талка. Я еду на Талку, чтобы только взглянуть, «какая она», и остаться там на много дней. Потому что сразу прикинуло к ней всем сердцем.

Теперь я могу ответить словацкой девушке.

СОЛНЕЧНЫЙ ПАМЯТНИК

Если прислушаться, то в легком шуме прозрачной Талки можно уловить звук приглушенных голосов, эхо далеких выстрелов, свист каменных снарядов. Если быть очень внимательным, можно услышать интересный рассказ о том, как пришла к людям правда, как привела она к собою силу и как явилась неизменная спутница силы — победа.

Май 1935 года. К лесострою берегу Талки пробирается парень в выцветшей ситчевой рубашке и поряжешных от времени сапогах. Руки у парня изъедены краской, глаза светятся холодным баеском голодного, озлобленного человека.

— Я даже не представляю себе, как могла бы жить без фабрики... — говорит Валентина Тиркина. Фото Г. Дубинского.

Парень прислушивается и, убедившись, что за ним никто не следит, спускается в прибрежную балку. Там его ждут товарищи — тоже рабочие из красковарки, ткачи с фабрики Бурляина, явившийся с Вятской. Поднимается солнце, и один из собравшихся открывает маевку. Он говорит о значении первомайского праздника — дни солидарности рабочих всего мира, о том, что такое классовая борьба и как может рабочий человек положить конец несправедливости.

Парень в выцветшей рубашке впервые слышит эти слова. Он несколько озирается и плотнее прижимается к товарищам. А потом вместе с остальными поет песни, в которых и мечта о свободе, и ненависть к парскому режиму, и вера в светлое будущее. Песни звучат приглушено и слабо, потому что воздух их почти шепотом и всего пятнадцать человек.

А через два года голоса собравшихся на маевку уже заглушают густой шум сочного бора. На берегу Талки принимается решение создать иваново-вознесенский рабочий союз. Маявка 1936 года еще многочисленнее. Именно здесь, в густом бору, у прозрачной речушки, ткачи читают прокламации, призывающие к борьбе против самодержавия. Здесь от рук расстреловцев погибает пламенный большевик — секретарь Иваново-Вознесенского комитета РСДРП Афанасьев. В 1936 году вода Талки багровеет от крови расстрелянных рабочих. Река в дни первой русской революции выглядит смертельно раненой...

А потом настало время, когда ткачи шли на маевку открыто, с развернутыми знаменами, цветами и портретами Ленина. В чистой, прозрачной Талке отражалась ясная трепетавшая на волнонь ветру знамен, и казалось, что опять вода в реке стала красной.

Каждый раз в майский праздник продолжает собираться ивановцы на берегу Талки. В память

о великом прошлом леги старые революционные песни. Они звучат так волно, что заглаживают старые сосны, смолкала река, еще шире раздавался просторное небо. Люди по-прежнему любуются Талку — свидетельницу их горькой борьбы, победы и счастья. А когда задумали они поставить памятник революционному событию, то и не искали другого места. Но люди теперь были счастливыми, и они не хотели, чтобы памятник борцам за их счастье был надгробным памятником. Поэтому они воздвигли на берегу Талки светлый, солнечный корпус новой текстильной фабрики. 1 Мая 1927 года на многотысячном митинге торжественно зачитали протокол о закладке «памятника» и решили назвать фабрику «Красная Талка».

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Наверное, потому что день рождения «Красной Талки» совпал с большим всенародным праздником, все на этой фабрике светится радостью и теплом, всюду приметы весны. Но не той весны, которая приходит на малый срок, ненадолго украшает землю и исчезает с первым дуновением знойного ветра. На «Красную Талку» пришла другая весна — большая и бесконечная. Она первой открыла двери только что выстроенной фабрики. Она встретила у фабричной проходной рабочих — потомственных текстильщиц, детей и внуков тех подневольных ткачей, чьи руки были изъедены краской, а души — горем и унижением, встретила, заглянула в глаза и на всю жизнь оставила в них отсвет радости. Весна была радом, когда изготовляли первую пряжу и отделявали первые метры ткани. Она рассыпалась на синих цветах, солнечные блики и молодые травы. Весна хозяйкой пропалась по фабрике и осталась здесь навсегда. Она не боялась колючих ветров, осенних дождей и снежных метелей, потому что это большая весна, силь-

Просторный цех залив ярены весенним светом.

Комсорг гребенного цеха Альберт Гусев — активный рационализатор.

ная и бесконечная, как сама жизнь.

И если тогда, в Братиславе, я переживала оттого, что не могла подробно рассказать словачки девушке о Таке, сейчас я очень жалела, что не могу азыть ее за руку, провести через мост над прозрачной Талкой, подняться вместе широкой дорогой к светлому корпусу и широко открыть двери проходной...

***

«О смеши ядуть рабоче. Позакомисис, ну, хотя бы с теми, что повстречался первыми.

Вот у двери цеха Вала Тюрина. Она прощадает с Ларисой Логниной и убегает на занятия в техникум. Это здесь же, рядом, на фабричном дворе. Не весь техникум, конечно, а филиал вечернего отделения.

Она открывает тетрадь, на которой очень четко написано «учащаяся 3-го курса факультета хлопкопрядения», и успевает еще раз прочитать конспект прошлой лекции. В ожидании звонка Вала весело болтает с подружками. Озорные, дотошные, они опять спрашивают ее: «Ну так как, нравятся тебе наша фабрика? Вала поднимает на подруг блестящие черные глаза и говорит с откровенным восхищением: «Ковечной! Вы же знаете!»

Девчата действительно знают. Им даже известно, как пришла Вала на фабрику.

Она приехала в Иваново из другой области, чтобы поступить в педагогический институт. Сдала экзамены, начала учиться на первом курсе, и... ей не понравилось. Ведь в институт она поступила без особого призвания, только лишь затем, чтобы получить высшее образование.

Город потомственных ткачей очень помог Вале. Он пробудил в ней интерес к профессии ткацкостальщицы, принял в свою огромную рабочую семью. Только две не-

дели была Вала ученицей на мотальско-снальной машине. В первый же день третьей недели вышла нормы и с тех пор работает на семаднатах веретенка. Она молниеносно связывает оборвавшиеся нити, быстро снимает и надевает бобины, умеет следить за машиной, когда ее вклячуют на самую высокую скорость. От Вали прыска уходит совершенно готовая, высококачественная.

— Значит, нравятся? — переспрашивает подружки.

И счастливая Вала в который раз говорит:

— Я даже не представляю себе, иногда бы или нет жить без фабрики. Наверное, не смола...

Конечно, кроме горячей работы и увлекательной учебы, Валу сроднились с фабрикой ее новые друзья — такие же, как она, влюбленные в «Красную Талку» парни и девушки.

...Бракосвадьба Лариса Логнинова после работы идет в клуб. Скоро праздничные концерты, и потому репетиции в танцевальном кружке проводятся чуть ли не каждый вечер. Лариса подает руку сесарю Славе Сидорову, выходит с ним в круг. Девчонка ее гибки и плавны, а глаза — озорные, бойкие. Через плечо она лукаво поглядывает на партнера, но, встретившись с ним взглядом, смущенно опускает глаза. Слава ведет Ларису легко и бережно, но и тогда встречается с ней взглядом, слегка краснеет.

После репетиции они вместе выходят на широкий фабричный двор. Идут молча и, прежде чем проститься, остаются только у высоких берез. Лариса знает, что Слава пора идти, что, если задержится, он может опоздать в вечернюю школу. Ей не хочется, чтобы он опаздывал, но еще больше не хочется, чтобы уходил.

ЯБЛОНИ НАБИРАЮТ ЦВЕТ...

Фабричные парни называют девичье обещание «стеремком». Оно и правда внешне похоже на русский терм: красивый деревянный дом с широким крыльцом, балконом и острыми стрелчатыми козырьками. Но выглядит он так только внешне. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь открыть дверь и переступить порог.

В доме девичество совсем невест! Девачто юсесья бойкис, говорившис, веселес фабричнис девчат! А это значит — девачто восьмь сердеч и гораздо больше серечных тайн, которые совершенно невозможно хранить в одиночку. А разве хватит сил удержаться и не пропустить девчатим письме, тем более, если оно от подружки, которая сама недавно жила в этом доме?

Все комната в сборе, и Шура Нажитина садится за стол, вынимает из кармана халятика листки, испещренные беглыми Соныным почерком. Девчата приглядывают поближе, чтобы не только слышать, но и видеть, что написала бойка, отчаянная Соныка Парамонова — бывшая сьемщица прядального цеха.

Вначале Соныка передает всем паругам приветы, что занимает оводо половины письма, а потом рассказывает о колхозе, о себе, о том, сколько литром молока надела и насколько переполнила обязательство.

Если не знать ее, темпераментную и энергичную, то можно подумать, что она безбожно хвастает. Но подруги вгляд за бесконечными восхитительными знаками Соныкино трудолюбия и ее большой любовью к делу. И дечатим далеко не безразлично, что в Соныкин колхозе построено наконец новый клуб, что корова Мурка опять прибавила

молока и что известный им Н. до того зазнался, что ишет жену не меньше как с университетским знаком.

Шура убирает письмо и в раздумье подходит к окну. Девчата оставляют ее в покое, потому что знают: Шура теперь, несомненно, днечь будет вспоминать о Соныке и скучать. Они понимают, что так и должно быть. Ведь Соныка — самая близкая Шурина подруга.

— Вышла как-то замуж ровняница Маруса Козлова и торжественно выехала из обещания. А на ее место пришла сьемщица Соныя Парамонова, которую за горничность и ладность звали просто Соныкой. Соныка сразу стала центром веселья, заразительно смеялась, звонко пела, и только Шура знала, что умеет Соныка грустить. Грустила Соныка как-то «парадальном» своим весельем. Где-нибудь на улице, по дороге от фабрики к дому, брала она Шуру под руку и говорила на ушко полным тоном голосом:

— Стоксовалась я. До чего стоксовалась!..

В комнате, при всех, она тоже повторяла эти слова, только уже иначе, отчаянно и задроп. Будто кому вызов бросала. И добавляла:

— Уезу! Ближе к посевной непременно уезу. Хоть и держит Тапка, а в колхозе я все равно нукасе...

Соныка прежде жила в деревне. Но на фабрике она работала уже два года, была комсомольским группом, одной из лучших производственников. Многие девчата не разделяли ее стремления и резонно говорили:

— Ты, Соныка, дура. От хорошей жизни, от большого заработка хочешь уйти. В колхозах-то не во все сладко.

— Знаю... обрывала Соныка.

Все равно уезу.

Заночена смеяна... Выходящая за руки, идут с работавеселые подруги (слева направо): бракосвадьба Валентина Тюриня и худрочица Тамара Беляева.

Весной она действительно уехала в село Подолье. Из-за отъезда Шуры радостные письма, каждый раз повторяла, что очень довольна новой жизнью, хоть она пока и трудная. С трогательной лаской говорила о хороших и задала девицат гостини. Но девица ей не верила.

По крайней мере до тех пор, пока Шура не убежала однажды в «стережок», потрясая над головой газетой.

— Девочки! — кричала она. — Смотрите! Сонька-то наша!

С первой полосы областной комсомольской газеты на девицат смотрела бойкая, улыбающаяся Сонька. Тут же, в заметке, говорилось о том, что секретарь комсомольской организации колхоза «Родина», Гаврило-Посадского района, Союз Парамово — одна из лучших доверок.

От каждой коровы девушка получала за год по 3 272 литра молока, а в 1958 году обязалась на доить по 3 500. Между прочим сообщалось, что ежемесячный заработок ее в переводе на деньги — 1 150 рублей.

Шура лежит в постели с открытыми глазами и думает о том, что Сонька, безусловно, правильный человек и что такой она стала не сразу, а после того, как поработала на «Красной Тальке». Сначала-то ведь она из колхоза вроде как убежала...

— А знаете, девочки, — прерывает молчание гребенщица Али Гусева. Она поднимет с подушки голову и, тщательно прикрывая одеялом худые плечики, продолжает: — Все-таки наш комсорг — очень хороший человек. И талантливый! Письмо распределение представил.

Одноклассник Али Альберт Гусев — комсорг и помощник мастера гребенного цеха. У него лучшая на фабрике комсомольская группа, в которой нет ни одного, кто не перевыполнил бы задания. И еще: нет в группе равнодушных, черствых людей. Комсомольцы вместе ходят в туристические походы, вместе смотрят фильмы и спектакли в театрах. У них даже своя добровольная касса, в которую вносят по десять рублей почти каждой полочки. Касса богата.

Из нее берут деньги на театры, экскурсии, подарки ко дню рождения, даже откупают автобус и на воскресные выезды всей группой в Москву в театр.

Президиал, Ильяна, в Советский Союз побывал на Тальке. Зайди к девицам в общежитие. С увлечением расскажут они тебе и об Альберте Гусеве и о Соне Парамовой. И, уж раз ашел разговор о хороших людях, заговорит много и много имен, притякуют десятки светлых человеческих судеб.

...Будут шуметь за окном общежития высокие сосны — те, что скрывали от преследователей участников первых маевок. Будет звенеть прозрачная, чистая река, к воде которой принадали ранние, истерзанные революционеры. Иные всяких совезидий будут гореть огни фабрики — гордого памятника трудным и святым дням борьбы за человеческое счастье. И ты поймешь: Талка действительно красная. Красная и красивая!

г. Иваново, фабрика «Красная Талка».

Рис. Г. Васильева.

Ю. ЯКОВЛЕВ

НА УЧЕНИЯХ

Провод тянется от вербы
К штабу по прямой.
Говорит товарищ «Первый»,
Слушает «Седьмой».

По условленному знаку,
Так гласит приказ,
Поведет курсант в атаку
Роту в первый раз.

— К бою все у вас готово!
— Все! — звучит в ответ.
— Есть резервы!
— Только повар!
— Больше нету!
— Нет!

Голос «Первого» построже
Зазвучал вдали:
— Вы свои резервы все же
Не сполна учли.

— Где Казим!
Грохот взрыва,
В трубке тишина.
Ждет курсант нетерпеливо,
Только трубка молчалива:
Связь пререзана.

И когда, штурмуя гору,
Шел в атаку он,
В бой вступил резерв, который
Не был ни учтен,

Не означенный в бумагах
В полковом шкафу,
Ибо русскую отаву
Не вместишь в графу.

Но хранит ее немало,
Жаркой, как самец,
Военские арсеналы
Воспиевских сердец.

...Высота крутая звать
Роту в обход.
Снова шумит аппарата,
Как сверчок, пост.

— Ну, как действую резервы! —
Слышен бас густой.
Улыбнулся где-то «Первый»,
Вытер пот «Седьмой».

А. РОМАНЕНКО

ВСТРЕЧА

В распадках тесных,
на кручах скал,
Там, где зверинный
я след искал,

Бреда с двустовкой
за кабаргой,
Не знал, что встречу,
Любовь, с тобой.
Дул ветер снежный,
и зол и лих,
Делили ужин
мы на двоих.
И стуже лютой
наперекор
Под кедром грея нас
ночной костер.
И я не ведал,
что вскоре ты
Войдешь хозяйкой
в мои мечты,
что неразлучно
тебе и мне
Ходить по нашей
большой земле.

И. БУРСОВ

У КОСТРА

Горит костер. Его багровый отблеск
Задумчивые лица осветил.
Блестит медаль «За трудовую доблесть»
У гостя-комсомолец на груди.
Он говорит о Волге, о Казанке...
Пришла озорная детвора,
Ей кажется: в продымленной спячке
Присела коньсть братьев у костра.
Промысла полночь на еловых ветках...
Ребчанин вздох слышится в тиши:
Обидно ведь промочь две пятилетки
И ничего еще не совершить.
И невдомек мальчишкам быстроглазым,
Что и в расказки в детские года
Вздыхал о том же, слуша рассказ.
А для медал плавились руда...

Ю. МЕЛЬНИКОВ

САМЫЙ МИРНЫЙ В МИРЕ ГРАЖДДАНИН

Третий год живу в а общежитие,
Рядового каменщика сын.
Я студент, я будущий строителъ,
Самый мирный в мире гражданин.

Посвездневно занят я работой,
Нелегко порой бывает мне.
И когда готовлюсь а к экзаменам,
Долго свет горит в моем окне.

Карандаш, бумага да линейка
На вооружении моем.
Никто человек я, но последний-ка
Кто войти с оружием в мой дом!

Где-нибудь в далеком гарнизоне
На границе нашей тишины,
Но хранит солдатские поганы
Для меня товарищ старшина.

С осени недавно этот город на берегу Азовского моря называли городом металлургов и рыбаков. Но вот полгода назад сюда пришли сотни молодых бульдозеристов, водителей самосвалов, крановщиков, экскаваторщиков, плотников, бетонщиков... Жизнь внесла небольшую поправку: город Железные стал также городом строителей.

Сейчас, когда ринутся эти стройки, на строительных площадках комсомольских доменных тучей — пятый азовсталинский и третий, сооружаемый на заводе имени Ильича, — страдная пора. Идут сборка узлов, монтируются газопроводы, укладываются металлические панели, наполняются кладовой стальные коробки воздухоподогревателей.

На обрешеченных площадках гремят имена передовиков. Это именная комсомольско-автомобильной бригады Григория Семеновича, давшие слово выиграть на кладке нулевого пята двенадцатых суток, и молодые огнеупорщики «Теплострой», выполняющие по три нормы в смену. Это бригады Антонины Понкратовой и Ефима Силера.

Эти сотни других строителей, работающих в полную силу, с широким размахом, подвизавшиеся, выполняя особо важное задание. — Монтаннини комсомольско-молотовской бригады Ефима Силера выполнили особо важное задание. Им предстоит установить патрубки свечей на площадке доменной колошины, или, как говорят строители, на ответях «42».

С моря дует «нэвокив» — резкий, порывистый ветер. В такую погоду трудно бывает монтаннинам даже внизу, а выше напряжению приходится испытывать им на многометровой высоте! Но они знают о местных графиках, и тут уж действительно некогда было ждать у моря погоды.

Перед тем, как подняться на колошину, Ефим Силер обшел патрубки свечей, проверил крепление тросов, сгинул взглядом громаду печи. На весь уровень, от котлонадзора до колошины, стояли сигнальщики. Высоко над землей, над куполом воздухоподогревателя, застыла стрела башенного крана. Все было готово.

В двенадцать часов прозвучала команда:

— Вира! На какую-то долю минуты патрубок повис в воздухе и, слегка покачиваясь, медленно поплыл вверх. За ним следом достали людей, стоявших на земном. Падем был плавный и спокойный: от резких ударов «нэвокива» патрубок зацепил надежная броня воздухоподогревателя. Но чем выше он удалялся от земли, тем напряженнее становились лица и тех, кто стоял на земле, и тех, кто готовился принять этот груз на тесной площадке колошины.

Патрубок поравнялся с монтаннинками и замер. Казалось, предельно натянувшись стальными тросы. Угряясь в снобы, монтаннини до боли в ладонях сжимали упругий канат, подводя патрубок к нужным кончикам. Теперь ничто не зашумело что от ветра... Всего лишь минут динялась борьба парней за то, чтобы подвезет комсомольскую глыбу илзепа на место. Но всем, кто работал в те минуты на ответях «42», казалось — время остановилось. Разворот проточной маховика. Малейшая неосторожность могла привести к губительной «белой» Сигналы за секунду таймером сокращали расстояние между патрубок и колошином... — Приготовься! — коротко бросил Силер.

Бригадир Сергей Павлович Кильдешев беседует с монтаннинками — комсомольцами Александром Колодом и Владимиром Фроловым.

Тяжелый патрубок свечи опустился на землю. Нельзя было мешать ветру могли сместиться откварты фисмосторов, и тогда — тогда надо было бы начинать все сначала.

Григорий Мыслик вставил первый болт — «принимая» детали, как говорят монтаннини. А через несколько минут, когда были закреплены все четыре фисмостора, Михаил Дроботин и Дмитрий Рыбевский, подвинувшись на патрубок, особыми крон башенного крана. Ветер подхватил звонкую команду бригады:

— Майна!

...Город металлургов, строителей, рыбаков. Здесь, на берегу Азовского моря, на строительных площадках домен работает неутомимая конюшня. Управляя могучими механизмами, кранами и машинами, замесившая бетон или сверзившая железу, молодежь работает так, как не может работать славному комсомольскому племени!

В. БАКЛАНОВ

Неоднотысячу рейсов в бурю, и три недели интенсивно доделывая сделан на автомашине комсомолке Михаила Гуйван — участника строительства комсомольского шхота в Донбассе. Сейчас он работает на стройке доменной печи на заводе имени Ильича.

Передовые экскаваторщики строиков Алексей Пастухов и Леонид Петрун.

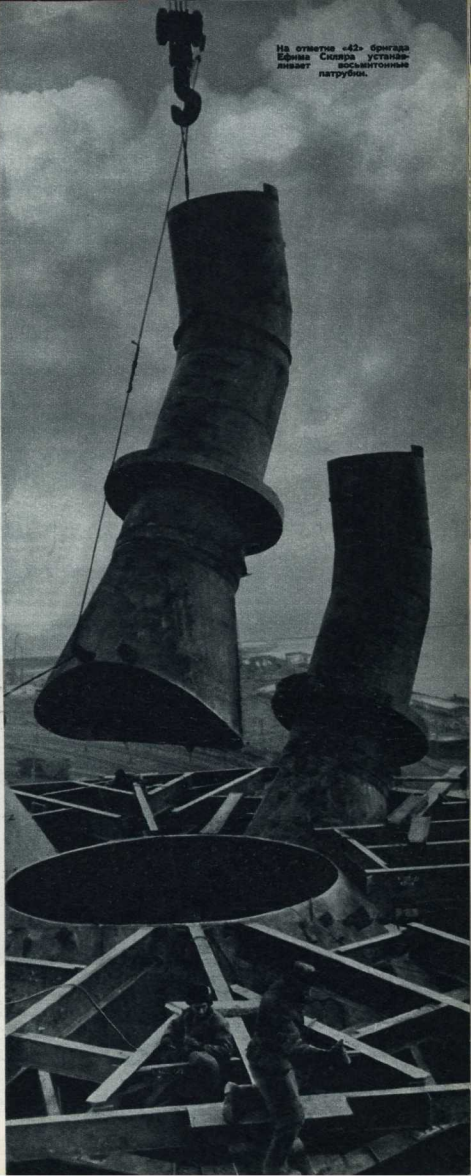

— Дела идут хорошо! — говорит монтажник-верхолаз Василий Пунтик, недавно приехавший на стройку из Молдавии. — Пятнадцатого сентября дома даст первую плавку.

Бригадир ижевско-сольмоловской бригады Григорий Сенченко (на снимке слева) объясняет молодому каменщику Василию Онцкину особенности футеровки воздухонагревателей.

На объекте «42» бригада Едмана Силпра устанавливает восьмиметровые патрубки.

Константин ВОРОБЬЕВ

ВЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Быль

Январь 1944 года в Литве был стылым и вьюжным. С полей ветер дувал снег в леса и балки, а обмороженные равнины скользяла изжелта-синяя ледяная корка. По дорогам на запад ушло двенадцать партизан заключенных и военнопленных, густо окруженных автоматчиками. Над Каунасом по ночам высеивались чистые росинки звезд, и в городе нарочно затихла подпольная жизнь; единственным звуком в улицах были тяжкие шаги жандармов: крах, крах, крах...

В одну из таких ночей Каунасский подпольный комитет комсомола получил задание Литовского кожного обкома партизан вернуть аркавский поезд с боеприпасами на пути Каунас — Ионава.

..В ночной студеной мгле снег всегда кажется фиолетовым. Он сухо кружится под ногами путников, вызывает в памяти живые картинки детских зимних забав... Может, оттого комсомольцы Повилас Штарас, Альфонсас Чепонис, Владас Петрускас и Юлюс Корбутас прошли обмороженными улицами города соглаской и немного грустной группой.

За городом, в стороне от дороги, в чутком молчании притаялся лес. Низко над ним висел тусклый месяц — сказание огромного радужного кольца.

— Холод будет, — сказал Штарас, шедший все время впереди.

Его коротковатый потертый пиджак топирялся в сторону: из-под полы выирал автомат, стучего командир группы казался кризобомим.

Голос Штараса прозвучал отрывисто и четко, но ему никто не ответил: каждый был занят своими думами. Все-таки это было удивительно: всякий раз, когда комсомольцы покидали город, из сердца каждого исчезала гнетущая тяжесть сознания неволи. Нет, в поле, да еще на виду леса, мир казался иным, чем в тесных улицах города. За Каунасом было необъятное небо и даль, заполненная упорной неугадываемой жизнью. Вот и теперь где-то в хutorке призывно и тонко лаял озвисьщ щенок, завязисто пел ветер...

Следом за Штарасом шел Альфонсас Чепонис. Ему было нудно в кожоний пальто и полуботинках; куски тела, похожего на банное мыло, оттягивали карманы, а висевший на груди автомат источал на холоде горькострогий, неприятный запах.

— Черт бы побрал эту тыловую армию! — выдергал Чепонис.

— Ты чо? — обернулся Штарас.
— Замерзано, — отозвался Альфонсас и, разбегажисши, с ходу налетел на Штараса, пиул его между лопаток набрызжисши кулаком. Штарас упал в снег, пужинистко поднялся на ноги и ловко замал под мышкой голову Альфонсаса. На их навалисши Петрускас и Корбутас, и началас сопрвожающая тело борьба. Обычно так делают зимой солдаты между учебными занятиями на плаву.

— У тебя же взрывчатка в карманах! — крикнул Штарас.

Альфонсас Чепонис.

Ступая на носки и раскинув руки, словно балерина, Чепонис отточился к краю дороги и скатился в ямочку.

— А разве она сама по себе... тоже может! — шепотом спросил он оттуда. — Взрыватели же у меня лежат отдельно...

— Я пошутил, — сказал Штарас. Он верно разгадал маневр Чепониса: в случае взрыва топа забыть дураком от опасности. — Я пошутил, — виновато повторил Штарас и вдруг острожвел в дороге: — Ну вот что, товарищи.

Пощли! Сейчас бес трех минут пять, а поезд должен пройти в полседьмого.

— А может, покурить! — предложил Корбутас. — У меня пачка «Регатва» есть.

Курить, присел на корточки и запрятав папиросы в рукава. Чепонис навесело, с длинными паузами проговорил:

— Ненавижу страх... У трусливого человека душа похожа на крысу — злая, несильная и гадкая!

Он поднялся с корточек и, подставив лицо ветру, открыто и глубоко выхвтал папиросу. Штарас рыком выхвтал папиросу изо рта друга.

— Пацан! Забыл, где ты и против кого воеуешь?

— Извини, Повилас. Но если бы ты знал, как мне хочется встретисши с ними в открытую! — пробормотал один из друзей.

Помещи! Надорло прятаться и бить их исподтишка...

— На фронт, конечно, лучше, — мечтательно согласился Петрускас.

— Пощли! — сердито скомандовал Штарас.

Сосновый бор встретил подпольщиков угрюмой тишиной. В нем временами раздавались какие-то шорохи, рождал радостную аэру в большую, добрую и нудную жизнь лесную тайну. Но партизан здесь, не было; это знали все, и Штарас шепотом приказал расседоточисши и постависши автоматы на «огонь».

Шли развнутой цепочкой, как а бою. Вскресе лес расстусился, образовал неширокую тропку. В центре ее стояла огромная ель. Наливас предупреденной силой, ветер сухо шелестел в ее опушенных снегом лапах. Проходя мимо ели, Корбутас протянул руку — хотел, видно, тронуть ветку, — и тогда над его головой взметнулось что-то шумное и темное, а над поляной пронесся резкий, хриплый крик. Никто из друзей не запомнил, как они оказались в плотном полужуре, обратив автоматы к дереву, но все четче сразу появилисши его очертания.

После томительной минуты молчания Чепонис сказал:

— Все нормально... Это мы от внезапности. Ведь она сначала крикнула, как пружинистый флешет...

— Хорошо, что никто не выстрелил, — облегченно сказал Штарас. — Могли бы сорвать задание.

— Сволочи! — с обидой выругался Корбутас. — Нашла ислетла а партия!

Луна давно закатилас, гасли звезды, начиналас метель.

К железнодорожному полотну подошли тихо, гуськом. Передний — Штарас — то и дело останавливалс и поднимал над голозой автомат. И тогда задалека замриался в том положении, как их засталас этот сигнал. Но на путях было спокойно.

..Если ты хорошо умеешь делать то, что тебе положено, сердце не остается безучастным к жизни, и нем поселяется тогда радость. И можно долго-долго прожить надвине с этим счастьем, если ты влюблен в своей большой или малый труд.

Так было и с Чепонисом. Он ушел горой и быстро укладывает толловые шапки под рельсы, и хотя его работа была связана с разрушением, он все-таки радовался: то, что он делал, шло на пользу Родине.

Уже после того, как все было готово на линии и в лесу выбрано место для укрытия, Чепонис попросил Штараса:

— Разреши мне сойти на дорогу.

— Забыл что-нибудь?

— Да нет... Проверю еще разок.

Равно с тем местом, где близорыбие на вид кусочки тала заталили устойчивую силу огня и разрушения, Чепонис присел на колени, потом приник ухом к игуче холодной рельсе. «Слушай, гадюга», — подумал он и тут же впервые за время войны с удивлением почувал, что все существование в мире — и живое и мертвое — разделено теперь на две категории: свое и вражеское, а значит, хорошее и плохое. Собственно, в родной стране все числилось своим, но то, что было захвачено врагом и служило ему, вызывало в Чепонисе вражду и ненависть. Например, эти рельсы. Они врабатывали на врага, и он ненавидел их за это и хотел, чтобы их не существовало зовсв. А вот лес — совсем другое. Лес оставалс родным и любимым, потому что продолжал быть вер-

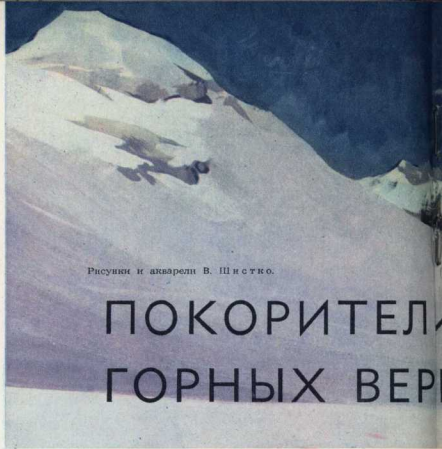
Галина Просенко и Дина Горохова
учатся на 4-м курсе Торжокского
политехникума. Сейчас девушки
проходят преддипломную практику
на новостройках Юго-Западного
района Москвы. Здесь они многому
научатся.

Фото В. Тюнелл.

Нелегко идти по крутым склонам с тяжелой поклажей.

Рисунки и акварели В. Шнигто.

ПОКОРИТЕЛИ ГОРНЫХ ВЕР

Переправа через бурную реку.

В самом сердце Северо-Западного Памира врезается в небо высочайшая вершина нашей страны — пик Сталина. Много лет трудились советские исследователи, прежде чем породили и подновили гора и точно нанесли его на карту. Впервые вершина была покорена в 1933 году замечательным альпинистом Евгением Абалазовым, а четыре года спустя этот подвиг повторили пять альпинистов во главе с Евгением Белощиным.

Но первые восходители поднялись с востока, со стороны Ленина Фадеева. Южные же и северные склоны массива считались недоступными. А между тем именно в этом направлении на высоте 8 тысяч метров находилось огромное фирновое плато — одно из наиболее примечательных на Памире. Путь и наму преграждали головокружительные кручи, снежные лаваны и ледяные обвалы. Спортсмены общества «Буревестник» — молодые мастера и первооткрыватели Москвы, Ленинграда и других городов — в минувшем году решили достичь плато и тем самым ликвидировать еще одно белое пятно на карте Памира.

В середине лета экспедиция отправилась в путь. От Памирского автомобильного тракта предстояло 200-километровый переход с караваном. Дни до предела были заполнены напряженной работой и хлопотами. Много раз приходилось восстанавливать обвалившиеся тро-

← Наконец наступили желанный отдых. Можно занести в блокнот свои впечатления.

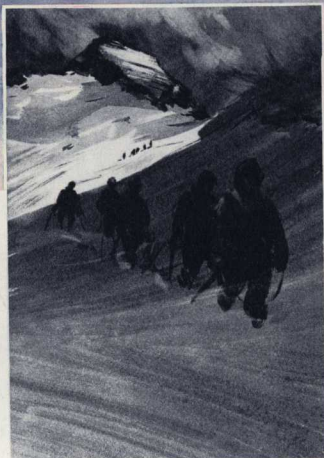

М
ШИН

Как грозные стражи суровой горной страны, стоят величественные вершины Памира...

Так выглядел наш высокогорный лагерь.

После штурма пика Сталина.

На высоте 4 тысяч метров нам встретилось красивое озеро.

пы, наводить переправы через бурные потоки. Лагерь мы разбили у ледника Гарно, и вскоре по крутому склону потапались первые альпинисты с туго набитыми рюкзаками, чтобы организовать другой лагерь, на высоте 4 тысяч метров. Началась переборка всего необходимого для восхождения на ледник.

Лето стояло на редкость знойное. Снег на леднике давно стаял, тут и там зияли глубокие трещины и провалы. Духотная парихода по этому ледниковому хаосу оказалась исключительно сложной. Но вот уже все готово для первого выхода и плато, даме бывалые скалолазы становились нелегко при взгляде на ледной обрыва со следами прошедших лавин. Однако путь был выбран, и штурм начался. Более пяти дней длилась непрерывная, трудная и опасная борьба за каждый метр высоты. Крутой склон сменялся узким, горой острый, как нож, гребнем. Перед группой то и дело возникали ледяные бабины, вдоль которых приходилось пробурить проходы. Скалки поднимались все выше и выше, а путь с каждым шагом становился все труднее.

Достигнув высоты 6189 метров, альпинисты передовой связки вышли на еще не покоренную вершину. Впереди расстилась огромное фирновое плато, окаямленные величественными пиками Ирова, Суалина, Ленинград, Абазакова. На с вернувшимся снегом быстро поставили серебристые палатки. Альпинисты отдыхали недолго: они спешили разведать новый, самый трудный путь на пик Сталина...

Экспедиция успешно справилась со своей задачей: впервые было достигнуто и исследовано Памирское фирновое плато и совершено труднейшее восхождение по новой трассе на самую высокую точку советской земли. Это восхождение признано Комитетом по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР лучшим в сезоне по массе высотных восхождений. Шесть участников штурма награждены золотыми медалями: начальник экспедиции Кирилл Константинович Кузьмин, Иван Богачев, Владимир Буянов, Иван Галунов, Владимир Поталов и Николай Шалаев. Бронзовые медали получили участники экспедиции штурмовавшие пик Ленинград. В экспедиции приняли участие молодой художник-альпинист Владимир Шисто. Во время похода он сделал много зарисовок. Некоторые из них воспроизводятся сегодня в «Семене».

Д. ЗАТУЛОВСКИЙ,
заместитель начальника
экспедиции.

Сегодня четвертый класс «Г» со своим пионервожатым Анатолием Кирилловичем пришел на летний матч в Соколовники. Ребята с удовольствием смотрят хоккейный матч («Удивительный четвертый класс!»).

Фото В. Тюнели.

«УВАЖАЕМЫЙ ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАСС!..»

Анатолия Кирилова, как бы поздно ни возвращался он с работы, во дворе всегда поджидала детвора. Ребятам ни с кем не было так интересно, как с Анатолием. Он и спорю любую без обиды рассудит, и приемы самбо покажет, и в волейбол сыграет.

— Спесарь, самостоятельный человек, а зовится с малышами — удивляется кофехто. Анатолий не обращая внимания на эти замечания. Он глубоко, сердцем чувствовал привязанность к малышам.

О странном увлечении Кирилова со времем узнали его товарищи — слесари сборочного цеха машиностроительного завода имени Е. Ярославского. Они-то и подсказали членам заводского комитета ВЛКСМ:

— Направьте Кирилова вожатым в подшефную школу. Парню будет по душе поручение...

Так Анатолий Кирилов стал пионервожатым в четвертом классе «Г» 342-й московской школы.

Надо же запомнился Кирилову первый визит в школу. Матрена Александровна, классный руководитель четвертого класса «Г», уже успела отгудать разузнать, что Анатолий считается на заводе одним из лучших слесарей-сборочников, что его уважают и уважают полярники — две нормы, любит спорт, активно участвует в драматическом кружке. Старую учительницу радовала эта написанная анкета. И сам Анатолий ей понравился — высокий, широкоплечий, с открытым, добродушным лицом. «На такого, пожалуй, можно положиться», — подумала она и начала заочно знакомить Толо с учениками, рассказывая подробно о каждом: как учиться, какие способности, кто родители.

Анатолий внимательно слушал Матрену Александровну. У него было такое ощущение, словно классная руководительница из рук в руки передает ему связку ключей, открывающих доступ к сердцу ребят. Он многое узнал: как держатся со школьниками, как и каждому из них подойти...

На другой день Анатолий снова пришел в школу и попросил класс остаться после урока. Был проведен первый сбор: пионеры познакомились со своим вожатым. Так началась работа пионервожатого в школе, работа, требующая огромного труда и терпения, а главное — любви к детям.

Анатолий сразу заметил ребята в отряде разные. С одними легко и просто, как с малышами во дворе, с другими не знаешь, как себя вести. Вот, скажем, Никончук Жена. Способный мальчик, а учиться хуже всех. Ни с кем не дружит, всех задирает. Дошло до того, что никто из ребят не желает сидеть с Женей за одной партией. Правда, Никончук не пионер. Но разве может это служить оправданием для вожатого? Попрошайка Анатолий на одной из линеек заговорил о Женю, но натолкнулся на глухое сопротивление всего отряда: ребята и слушать не желали о том, чтобы принять Женю в пионеры.

Невзлело было и с Витей Макаровичем, Сашей Крайневичем, Толой Саушкиным. Однажды пионеры решили поехать на экскурсию в музей. Когда все уже было в сборе, Толь Саушкин явился в таком виде, что хоть отправляй его обратно домой: хлестки на пельть створам, обувь испачкана так, словно он исседал все весенние лужи. Всем отрядом пришлось приводить мальчика в порядок.

Конечно, Витя, Саша, Толь вали себя лучше Никончука, но хлопот и с ними было немало.

А тут еще Вала Браницева, инженер-технолог завода и пионервожатая параллельного четвертого класса, вызвала отряд Анатолия на соревнование. Анатолий долго раздумывал, взвешивал: стоит ли тягаться с Валей, которая еще в средней школе была вожатой отряда и имеет немалый опыт? Но Матрена Александровна общалась по-честно, и выход был принят. Договор обсудили на собрании вместе с членами родительского комитета школы. Встреча возник один важный вопрос: как учить поведение детей на уроках и во время перерыва? Как подходить, опрятность, аккуратность, вежливое обращение, поведение на линейке? В какие формы учета все это втиснуть?

Сколько Анатолий ни ломал голову, ничего путного не мог придумать. И вот кто-то из ребят предложил весьма остроумный способ: каждый отряд выбирает две комиссии; одна ведет наблюдение за классом во время урока, другая — на переменах. Стоит преподавателю сделать замечание кому-нибудь из учеников, как один из комиссии ставит метричку против фамилии провинившегося ученика. Так же делают и члены другой комиссии, если заметит плохие поступки ребят.

На исходе первой недели классные руководители и вожатые отрядов насчитали в четвертом классе «Г» восемнадцать точек, а в «кондукте» четвертого класса «Г» — сто восемнадцати. Пионеры отряда Вали Браницевой одержали победу.

Анатолий решил провести по этому поводу сбор, поговорить с ребятами о том, кто повнен в поражении класса, благодаря чьим стараниям отряд позорно провалился. Виновики оказались не так уж много. Это были известные шалуны: Никончук, Крайнев, Макарович и Саушкин. Сейчас они сидели обескураженные, не смея поднять глаз на товарищей. Они понимали теперь, что подвели отряд.

К концу следующей недели картина резко изменилась. Точки стали заметно убывать. Жалован быть заранее побудило ребят по-настоящему взяться и за выполнение других обязательств.

Решил как-то отряд изготовить подарки для подшефной воинской части, и ребята в свободное время взяли за работу. Девочки вышили портрет Ленина, а мальчики мастерили шкатулки, рамки и прочие сувениры.

После этого Анатолий предложил:

— Давайте пошлем письма вашим родственникам, которые сейчас находятся в армии, поздравим их с праздником.

Глаза ребят загорелись. В адрес отцов и братьев — военнослужащих были посланы теплые поздравления учеников четвертого класса «Г». Завязалась переписка между воинами Советской Армии и школьниками.

Брат Коля Смирнова, Олег, предложил пионером соревноваться с его взводом. Он рассказывал ребятам, что молодые воины готовят сейчас старт радиотелеграфистам и обучаются все экзамены сдать на «отлично». А от своих младших братьев требуют, чтобы они перешли в пятый класс, имея хорошие и отличные отметки.

— Друзья Анатолия с классом крепла. Вожатый постепенно завоевывал любовь и уважение пионеров. Он ходил с ребятами на экскурсии, а однажды пригласил их в гости к рабочему заводу. Вязловыны, притихшие, ходили пионеры по цехам, внимательно глядели, как трудятся у машин рабочие. А потом всем классом написали пионеры письмо в заводскую газету, поблагодарив шефов за интересную экскурсию.

Экономный парень

Рис. И. Лисогорского.

На заводе сэкономили три тонны металла...

...а на стадионе — три секунды.

Недавно в класс на имя пионерского отряда пришло письмо из Н-ской воинской части. Оно начиналось так:

«Уважаемый четвертый класс «Г»!»

Услышав эти слова, никто из ребят не улыбнулся, никто не похрюскал — даже самые отчаянные в прошлом «бушны». Четвертый класс «Г» действительно завоевал уважение в школе, стал примерным. Во всем этом была доля труда Анатолия Кирилова, недавнего школьного комсомольца, молодого слесаря с машиностроительного завода.

А. СЕМЕНОВ

АКАЖЕ

Рассказ

В ауле ее звали Акаже — почтенная бабушка, настоящего же ее имени никто не знал, даже в документах взрослого она именовалась Акаже. Без нее я не могу представить себе родной аул, как не могу представить свой аул без белых юрт, изюмного дыма и горьковатого запаха полыни. И детства своего я не представляю без Акаже, порой мне кажется, что первой, кого я увидел на свете, была Акаже. Помню, всталишь пораньше утром, клинешь соседских ребятишек и бежишь с вёселой гурьбой к юрте Акаже. Жила она на краю аула с сыном Кошек, который работал у нас почтальоном. Каждый раз, когда Кошек ездил в район, он оттуда привозил конфеты. Мы сразу не заходили в юрту, а шагах в десяти ждали, когда бабушка выйдет к нам сама и два—три раза кашляет, что служило для нас сигналом: она приглашает к себе.

В наших степях Сары-Арки солнце летом печет немилосердно с самого утра, все живое прячется в тень, даже козлята простира в юрты, только мы одни остаемся на солнцепеке и ждем, когда же, наконец, появится бабушка. Но Акаже не видно; в ее юрте как будто никого нет, и все-таки мы ждем, веря, что бабушка нас не обманет, молчки, посылаем носами и ревниво следим друг за другом: каждому хочется первым добраться до юрты Акаже.

Но вот открывается войлочная дверь, показывается ручная прялка, а за нею и бабушка Акаже. Мы выжидающе смотрим на бабушку,

на ее руки, отыскивая глазами заветную красную сумочку, в которой Акаже выносила конфеты.

— Что-то не видно сумочки,— говорит кто-то из ребят, толкнув меня в бок.

— Как же так! — недоумевает другой.— Ведь дядя Кошек вчера приехал из района.

— Есть, есть! — кричит обрадованно самый маленький.— Вот она!

Акаже не спешит, неторопливо утрясается в тени, смотрит из-под ладони в степь и только потом откшывается.

Я был самым быстрым мальчишкой в ауле и подбегал к Акаже первым.

— А, мой аргмак! опять первым пришел,— скажет она обрадованно.— Садитесь, всем хаит.

Она раскрывает сумочку и начинает одаривать нас конфетами, предупреждая:

— Дай, аллах, моему Кошекжану здоровья, а конфеты всегда будут.

Потом мы рассаживаемся вокруг нее, и под тихое, неторопливое жуужание прялки Акаже начинаем одну из своих бесконечных, как и ее прялка, сказок.

Сколько радости приносила нам старая Акаже своими подарками, своими мудрыми сказками! С нею всегда было уютно и хорошо. Началась война, и дядя Кошек ушел на фронт. Мы все повзрослели, многим из нас исполнилось по тринадцать лет, а как говорят казахи, мужчина а тринадцать лет—глава

1 Жеребенко.

Рисунок В. Трубиновича.

оцага. Исполнилось тринадцать и мне, и я уже вместо дяди Кошека ездил в район за почтой. Мне всегда хотелось делать людям приятное, хорошею. Особенно мне радостно для меня было принести старенькой Акаже добрую весточку с фронта от дяди Кошека. Но война сделала почтальона плохим человеком. Нередко я приносил в аул не только хорошие вести, но и такие, которые были приняты горько и слез. Если в почтовой сумке лежало хотя бы одно скорбное извещение, она казалась тяжелой и ремешок резал мне плечо. Когда я встречал Акаже, она доставала из шкатулки письмо, уже поустертое и замусоленное, полагавшее его от дяди Кошека еще в первые дни войны, и заставляла меня читать. Я говорю, что уже знаю это старое письмо наизусть и могу не читать, пересказать его, но Акаже сердилась и требовала:

— Читай! — Однажды, разбирая почту, я увидел письмо, адресованное Акаже. Сердце мое бешено закололось, я бросился к ее юрте, не обращая внимания на то, что тяжелая сумка больно била по ногам. Люди проследовали меня взглядом до самой юрты Акаже, повторяя про себя: «Дай, аллах, счастья старую Акаже!»

Перед самой войлочной дверью я, оступившись, шлепнулся о землю и рассыпал письмо, уже поустертое по ногам. Люди обратились к обратному адресу на конверте Акаже: местный писель пришел из райвоенкомата. У меня заперло сердце, противная дрожь пробежала по всему телу.

— Что это с тобой, мой аргмак! Ты ведь хорошо бегаешь. Как это помогло тебе аулах упсть?

Она подхватила меня под локоть своей сухой, но еще сильной рукой и помогла подняться.

— Подем, мой аргмак, в юрту. Время обеда, и у меня самовар готов.

Я вошел в юрту, не зная, что говорить, как вести себя с Акаже. Бабушка уже разостала белую скатерть, на подносе весело шумел самовар. Я подумал, что, кроме Акаже, в юрте еще кто-то есть или она ждет кого-то, потому что бурсак* был разрезан на три куска и чай был налит в три пиалы.

Она усидела меня и нашла чай.

— Да ты глупа моему Кошеку,— сказала она,— пусть и он с нами пообедаст.

Глаза мои еще время бежали по сторонам, я боялся встретиться взглядом с Акаже и вскоре увидел, что кроватка дяди Кошека разобрана, как будто кто-то спал на ней ночью, но подушка не была съята. Акаже перехватила мой взгляд и ласково сказала:

— Кошекжан спешил и не успел убрать постель...

Я молча пил чай, боясь обронить лишнее слово, боясь открыть Акаже тайну, которую в ауле знал только я. Бурсак застрял в моем горле, чай обжигал рот, но я все-таки пил, чтобы бабушка не заметила моего волнения. Потом она собрала скатерть, а бурсак, положенный для Кошека, спрятала в красную сумочку. Это была та самая сумочка, что еще так недавно приносила нам столько радости...

От Акаже я прямоком побегал к акаскулу², чтобы рассказать ему о тяжелом горе, которое постигло нашу почтовую бабушку. По нашему обычаю, такие вести сообщались родным стариками. Мудрым словом они умели смягчать горе: утешить человека. А что мог сделать я, хотя мне и было уже тринадцать лет!

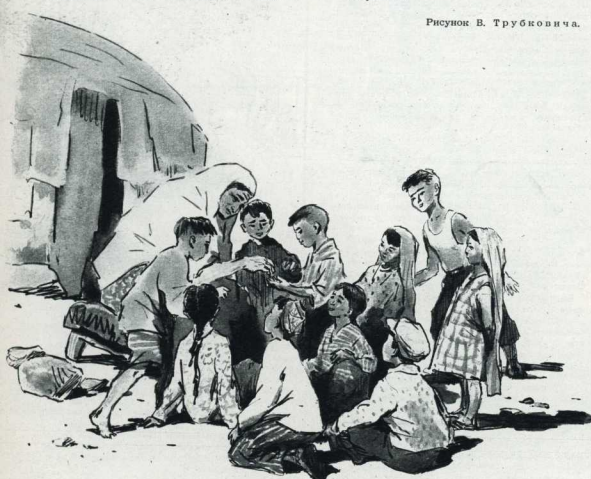
— Каждый орел тервет свои перья, каждый аргмак сбивает свои копыта,— сказал мне акасакал, тяжело поднимаясь со своего места.— Так нужно...

Я знал, что после получения такого известия в юрте погибшего обычно собираются родственники и близкие и плачем выражают свою скорбь. Но из юрты Акаже не доносилось ни единого звука. Прошел, может быть, час, прежде чем акасакал покинул юрту. Выйдя из нее, он сообщил другим старикам:

— Мой Кошек не умер. Мой Кошек не может умереть,— так сказала мне Акаже. На следующий день она сидела в тени юрты со своей неизменной прялкой, раздавала

* Улб.

² Узынаемый в ауле старик.

малышам баурсак и рассказывала им те же сказки, которые когда-то рассказывала нам. До конца войны она не изменилась, по-прежнему была радужна, и всегда возле нее сидели ребятишки.

Кончилась война, вернулись домой мужчины, оставшиеся в живых, и ауле началось строительство.

Построили дом и старой Акаже.
— Зачем мне новый дом? — спросила она. — Если Кошек придет ночью, где он будет разыскивать меня? Дайте другим, у кого он вернется сын. А придет Кошек, он сам себе построит дом.

В войну я не мог учиться, и теперь меня послали в город на учебу. Я пришел прощаться с Акаже. Поцеловала меня в лоб, она сказала: — Мой армяк, ты бежал хорошо по аулу. Там же в ученики буди Быстрыми, никогда не спотыкайся. Если в большом городе увидишь моего Кошку, скажи ему: Акаже соскучилась по сыну.

— Что я мог ответить Акаже?
— Выполнил твоё поручение, — сказал я. Прошли годы. Я окончил школу, потом институт. И вот снова еду по родной степи. Плакнет горькой полынью. Этот запах я люблю с детства. Но теперь я чувствую здесь novità, почти незнакомый мне запах цветущей ржи. Как изменилась степь! Куда ни посмотришь, везде рожь и рожь, еще зеленая, с золотистым налетом цветения. С волнением я замечал адали обложку кизячьего дима и поднимался на пригорок, аскалывался в родной аул. Мне навстречу бегут ребятишки, и я, как это делала старая Акаже, угощаю их конфетами. Сколько вокруг меня знакомых, хотя и очень изменившихся лиц. Я узнаю своих сверстников: все они выросли, возмужали; узнаю стариков, которых уже не могут изменить годы...

И только лица маленьких аулчан мне знакомы. Эти малыши родились в то время, когда я учился.

Наша юрта не могла вместить всех собравшихся вокруг нее. Пришли и седебородые акаслы и те, чьи щек и подбородки еще не коснулись бритья. Много было молодых женщин, и я начинал вспоминать, что видел их раньше в соседних аулах девушками. Должно быть, они вышли замуж за наших парней и уже приходится мне родственниками. Мама разделяла привезенные мной небольшие гостицы и, как бы извиняясь за меня, приговаривала:

— Не обсуждайте, милые родственники, не с базара приехал сын — с учения.

И показывала глазами на мои чемоданы, набитые книгами.

Меня распрашивали о новостях, старики как бы невзначай трогали меня руками, прощупывая вопросы. Им не терпелось узнать, кем я стал: акстожий или я теперь взрослый мужчина-джигит или все такой же несмышлявый мальчишка-армяк...

Мне долго разговаривали долго, и только к вечеру все начали расходиться.

Радость встречи как-то ослепила меня, и среди людей, пришедших ко мне, я не сразу увидел мою дорогую Акаже. Когда в юрте стало поседобнее, она поднималась навстречу мне так же неважно, тучевенно, со сморщенным лицом, но ясными глазами. Ее не согнули ни горе, ни время. Я подошел к ней. Она смотрела на мое лицо, как будто отыскивая на нем такое место, к которому еще так же неважно, тучевенно, со сморщенным лицом, но ясными глазами, самое драгоценное из того, что у меня есть, и мне стало очень неловко, почти стыдно оттого, что я не выполнил ее поручения. Я не нашел в горле дяди Кошкина и не сказал ему, что он ждет старую Акаже. Она догадалась о моем волнении и, не дав мне заговорить, сказала сама:

— Знаю, мой Кошек вернется.

Я слышу проводить ее. Теперь юрта старой Акаже стояла посреди аула, на юртом почетном месте. Когда я шел по аулу навстречу Акаже, как и прежде, вывалили из сумы малышек ребятишки...

г. Алма-Ата.

1938 год. Озеро Хасан

1939 год,
у реки Халхин-Гол.

1945 год. Берлин

1946 год.
Порт-Артур,
Завотреческий утес.

Из блонюта журналиста

*Дини
фотоаппарат*

Четыре знамени, пробитые пулями, опаленные огнем враженин. Они водружены в честь побед советскими солдатами. В разное время, в разных частях степи мне довелось сфотографировать их. Но примечательно то, что все снимки сделаны одним фотоаппаратом, который подарил мне Алексей Максимович Горький.

Рассказываю все по порядку. В 1929 году я работал в Москве фотокорреспондентом газеты «Красная Татария». Первого августа в Зеленом театре Парка культуры и отдыха должен был состояться антивоенный митинг, на который явился Горький.

С утра я отправился в парк, чтобы встретить Алексея Максимовича. В то время на моем извозчике был старый деревенский фотоаппарат, который перед съёмкой вслепую я раз нужно было ставить на треножку и закрывать покрывалом.

Мало уже оноло пять часов вечера, когда я наконец увидел Алексея Максимовича, идущего по аллее. Вспрыгнув к нему, я подбросился и умоляюще голосом попросил сфотографировать для читателя газеты «Красная Татария».

— Ну, снимай, — согласился

Горький, внимательно выслушав меня. — Где сестра?

Сняв мои поблиности не озадачился, и Алексей Максимовичу пришлось присесть на пенёк.

Долго я пытался под покрывалом, наводя на фокус своей линзы. Горький терпеливо сидел.

Наконец все готово. Я снял ирешью объектива, сделал первый снимок Горького, затем второй, третий.

Съёмка продолжалась оноло полчаса. Алексею Максимовичу несколько раз обращался его спутник, напоминая, что они могут опоздать на митинг.

— Снимать же трудно человеку! — отвечал Горький. — А для земляков казанских надо угодить! Снимай, снимай, не то рогоня я посижу еше...

Алексей Максимович доверно поговорил со мной, рассказал о жизни.

— А у тебя другого аппарата нет? — интересовался он, и, достав из кармана блонют, что-то написав на листке бумаги и передав мне, — Отправ-

ляйся по этому адресу, и тебе дадут самый новейший фотоаппарат. Только обязательно приходи потом ко мне и приноси снимки...

Алексей Максимович на прощание сказал:

— С новым-то аппаратом у тебя большой толк будет...

Несколько дней спустя из Казани прислали номер «Красной Татарии». На третьей странице был напечатан портрет писателя. Я пришел к Горькому, вручил ему газету и все шесть снимков. Алексей Максимович на одном из них написал: «Смелую землю, меланю и дальше удалим».

А по записке мне выдали отличную «Лейбу».

С тех пор прошло почти тридцать лет. С подругой А. М. Горького по заданию газет и журналов я иноселил весь Советский Союз и многие зарубежные страны. Побывал фотоаппарат и на фронтах, где советские воины с оружием в руках отстаивали свободу и независимость своей Родины.

Этот аппаратом я и запечатлел четыре знамени Победы, водруженные у озера Хасан, у реки Халхин-Гол, над горным перевалом и на Энергетическом утесе в Порт-Артуре.

В. ТЕМИН,
фотокорреспондент.

Андрей СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта

В АТАКУЮЩЕМ СТИЛЕ

(НАШЕМУ ФУТБОЛУ — 60 ЛЕТ)

6 октября 1956 года состоялась международная товарищеская встреча между сборной командой Москвы и сборной командой Берлина. Победили москвичи со счетом 6:2.

РОЖДЕНИЕ РУССКОГО ФУТБОЛА

Никому не известно, кто первый в России произнес слово «футбол» и кто был тот русский юноша, который первым ударил по кожаному мячу. Известно лишь, что первая футбольная команда под названием «Кружок любителей спорта» возникла в Петербурге шестьдесят лет назад. Но 1897 год — лишь официальная дата рождения русского футбола, ибо эта игра как народное развлечение была известна в России еще в XVII веке. Однако ни имена футболистов, ни правила игры того времени до нас не дошли.

Первое поклонение русско энтузиастов кожаного мяча начало играть по правилам, принятым в Англии. И в этом нет ничего удивительного. Ведь англичане по праву считались тогда законода-

телями европейского футбола, и их влияние чувствовалось во многих странах, в том числе и в России. Это даже отразилось на терминологии. Такие слова, как «кэндал», «пенальти», «кортнер», «кофсайды», «аут», надолго вошли в словарь русского футбола.

Но терминология дело не ограниченное. В начале XX века в командах России стали появляться английские игроки.

Известный русский фабрикант Сава Морозов дал публикации в английских газетах, что «для Орехово-завеской мануфактуры требуются инженеры, механики, служащие, умеющие хорошо играть в футбол». Прошло немного времени, и в команде Ореховского клуба спорта, организованного при морозовской фабрике, появились английские футболисты братья Чарнок, Гринвауд, Макдональд, Томлинсон. Благода-

ря их содружеству с русскими одноклубниками Клыниным, Кротовым, Мишиным, Голубовым «морозовцы» вскоре завоевали славу сильнейших игроков Московской футбольной лиги. Несколько лет подряд они выигрывали первенство города Москвы для команд класса «А».

«Гроза Москвы» — так называли болельщики тех времен прославленных «морозовцев». Несколько лет подряд — с 1910 по 1913-й — москвичи неизменно проигрывали своему провинциальному противнику.

Но шли годы, и слава «морозовцев» стала клониться к закату. Москвичи заметно уступили свою игру, и не зная поражений «морозовцы» постепенно утратили преимущества.

Даже кумир болельщиков капитан ореховской команды Вильям Чарнок — «Рыжий Вилли», как его добродушно называли заводские футбольные составы — и тот перестал быть «сравненным» и «непобедимым». Наряду с именами английских мастеров кожаного мяча все чаще и

чаще начали появляться в печати имена русских футболистов: центр-форварда Василия Бутусова, центр-защитки Ниниты Хромова, инсайда Василия Жигарова, левого края Сергея Романова, центр-форварда Григория Богемского.

Количество команд в России росло. По примеру Петербурга и Москвы футбольные лиги организовались в Одессе, Киеве, Харькове, Донбассе, а к концу 1914 года команды появились и в самых отдаленных городах России. Конечно, это был совсем еще «зеленый» футбол. Немногочисленный зритель восторгался отбойными ударами защиты. Забить «звучку» пошито считалось для защитника хорошим тоном. Игра носила яркое выраженный атлетический характер. Форварды цепились по напористости, а защитники — по габаритности фигуры.

Какой же из него защитник! — с пренебрежением говорили знатоки о футболисте некрутого сложения: — Сметут такого!.

Первый чемпионат России по футболу состоялся в 1912 году. Петербургцы выиграли тогда у сборной Москвы со счетом 4:1. Этот год был знаменателен еще одним важным событием — участием сборной команды России в Олимпийских играх.

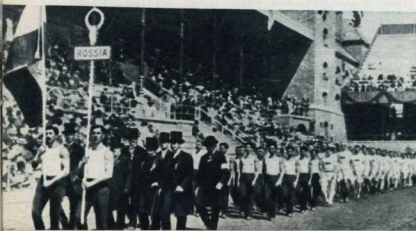
«СПОРТИВНАЯ ЦУСИМА»

Надо сказать, что к тому времени русские футболисты уже встречались с приезжавшими в Россию шотландцами, с командой

1912 год... Русская олимпийская команда на параде в Стокгольме.

Фото из архива В. Рябова.

1913 год. Сборная команда «Вся Москва» после встречи со сборной Норвегии, закончившейся со счетом 3:0 в пользу москвичей. Среди футболистов — знаменитый левый крайний Сергей Романов (пятый слева), рядом с ним (шестой слева) — не менее прославленный центр-защитник Вильям Чарнок.

студентов Лондона, а также футболистами других стран.

«Поражение — мать победы», — рассуждали руководители футбола, посылая сборную команду России на VII Олимпийские игры в Стокгольм. Находились и такие оптимисты, которые предсказывали ей победу. Но специалисты более трезво оценивали шансы русских. Вот что писал обозреватель журнала «Русский спорт» по поводу предстоящего выступления сборной команды на олимпийских турнирах: «...Русские футболисты не могут иметь больших надежд на успех. Прежде всего русские вообще еще не сильны в футболе. Кандидатами на первое место, безусловно, должны считаться англичане. Ближайшими их соперниками явятся, вероятно, датчане».

Этот прогноз полностью подтвердился. В финальном матче действительно встретились англичане и датчане.

Оправдился самый пессимистический предположения. В первом же матче сборная России проиграла финнам со счетом 1:2. После первого же тура она вышла из конкурса.

Предстоял еще «утешительный» матч с Германией, команда которой тоже оказалась в числе победителей. Но, увы, и этот матч ничего утешительного русским не принес. Наша команда подверглась неслыханному для таких турниров разгрому: матч закончился со счетом 1:8 в пользу немецких футболистов.

«Спортивная Лусима» — так охарактеризовала одна из газет поражение русских футболистов на олимпиаде в Стокгольме. Россия получила двенадцатое — тринадцатое места с Австрией, и это рассматривалось многими чуть ли не как спортивная катастрофа, хотя, в сущности, все объясняется простыми причинами. В то время лучшие русские футболисты противостояли командам западных стран, футбольная культура которых считалась не одним десятком лет, а в такой стране, как Англия, уже имела пятнадцатилетние традиции! Молодой русский футбол к тому же располагал слишком скудными возможностями для тренировок. В Москве, например, лучшей футбольной площадкой считалось поле Замосворецкого клуба спорта. Но как далеко оно было до современного поля! Рытвины в центре и на штрафной площадке сильно затрудняли игру.

Не лучше было и в Петербурге, Одессе, Харькове. Любителям приходилось довольствоваться городскими дворами и пустырями. Подростки, игравшие на этих импровизированных полях, называли их «дикими». Команды, составленные из таких «диких» футболистов, росли, как грибы. Они не входили ни в какие официальные спортивные организации. Сжигаемые страстью к футболу, эти рыцари кожаного мяча целые дни проводили на знаменитой Холмке.

В разных углах громадного поля одновременно шло несколько матчей. Играли кто в чем мог. Против фронта, зашироженного в сторону футбольной формы и цельящего в бугах популярнейшей фирмы «Скрум», сражались парни в рабочих козоровках и простых яловых сапогах. Но это ничуть не снижало азарта болельщиков и остроту спортивной борьбы на полях.

В «диких» командах начали свою спортивную карьеру многие мастера кожаного мяча, например, такие игроки первого поколения советского футбола, как Павел Канунников, Федор Селин, Михаил Бутусов, Николай Соколов, Александр Злочевский. Они обладали качествами футболистов высокого класса и в последующие годы с успехом защищали честь советского футбола в международных матчах.

После поражения в Стокгольме Всероссийский футбольный союз наметил ряд мер для повышения класса игры. В частности, было решено ежегодно проводить розыгрыш первенства России по футболу. В то время союз объединял 155 спортивных клубов, представлявших 33 города. Общее же число футболистов составляло около 8 тысяч человек. Эta более чем скромная цифра свидетельствует о том, что «организованная» игра в футбол в дореволюционной России широкого распространения так и не получила.

РАБОЧИЕ ПАРНИ ПРИХОДЯТ К КЛУБЫ

В первые же годы Советской власти футбол стал быстро развиваться. Молодежи было у кого учиться: в старых клубах сохрани-

лись кортены дореволюционного футбола. В эти ранее труднодоступные клубы валом повалили рабочие парни.

Советский футбол делал заметные успехи. Большую роль в этом сыграли комсомольские организации. Они не только активно вовлекали юношество в ряды физкультурников, но и строили своими силами спортивные площадки, футбольные поля. Футбол начал проникать во все углы страны. Команды возникали в городах и рабочих поселках, при фабриках и заводах.

Двадцатью годами в советском футболе характеризуются искания новых тактических путей ведения игры. Именно в эти годы, в связи с изменением правил «вне игры», стала несколько иной схема построения защитных линий.

По старым правилам, чтобы не оказаться в положении «вне игры», следовало идти перед собой не менее трех противников. Поэтому было целесообразно играть с передним и задним защитниками. Передний занимал позицию далеко впереди и тем самым как бы создавал линию «запретной» зоны, за которую противник без мяча проникнуть не мог. На роль передних защитников подбирался юркие, подвижные, быст-

1928 год. В дни Всесоюзной спартакиады состоялся товарищеский матч между советскими футболистами и зарубенными гостями. На снимке — один из моментов матча между сборными командами Уругвая и Украины.

Фото В. Красневской.

рые игроки, похожие на современных полузащитников. Задний же защитник был, как правило, мощного физического сложения и ценился за сильный отстрелный удар. В те годы знаменитый центр-форвард сборной СССР Петр Исаков являл новый тактический вариант в линии нападения. В отличие от общепринятого тогда построения нападения, в одну линию он играл, занимая позицию зади своих партнеров по нападению. Эта тактика приобрела среди советских футболистов немало приверженцев и получила название «волгутовой гутки». С того времени, как изменились правила «вне игры», и до конца тридцатых годов все советские команды играли по одной системе: 1—2—3—5, то есть вратарь, два защитника, три полузащитника, пять нападающих.

Всероссийские праздники физкультуры, проведенные в 1923 и 1924 годах, привлекли и участие в футбольных турнирах команды Москвы, Ленинграда, Харькова,

Фото И. Шагина.

1945 год. Московские динамовцы встретились с английской командой «Челси». Символ «традиционный» лондонский туман виден в многочисленных облачках, заполняющих трибуны стадиона. Сверху в ворот «Челси»... Даунтон уаля. Карца прорывається к штрафной площадке англичан.

Иванова, Иркутска, Тулы. В 1928 году открылась Всесоюзная спортивная народная СССР. На стадионах приехали футбольные команды рабочих организаций Англии, Австрии, Германии, Уругвая, Финляндии, Швейцарии. Победителями соревнований вышла сборная команда столицы. А спустя восемь лет впервые был проведен розыгрыш первенства СССР среди сильнейших клубных команд страны. В этом же, 1936 году было положено начало розыгрыша Кубка СССР. Первыми чемпионами страны стали столичные команды «Динамо» (весна) и «Спартак» (лето). А первыми обладателями розыгрыша Кубка СССР оказалась команда московского «Локомотива».

Советские футболисты в те годы достигли уже сравнительно высокого уровня игры. Они приобрели также замечательные качества, как быстрота и выносливость, умело сочетали коллективные действия с индивидуальным мастерством. И еще одно прекрасное качество было присуще им — воля к победе, энтузиазм. Лишь тактика футбола в то время оставляла желать много лучшего.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Футбол не поддается измерению секундомером или рулеткой. Если мы знаем, что Пирс на соревнованиях в Лондоне пробежал дистанцию 5 тысяч метров, скажем, ровно за 30 минут, а Куц в первенстве Москвы те же 5 тысяч метров пробежал на две секунды быстрее, то можно сказать, что класс этих бегунов одинаков.

Другое дело в футболе. То, что, к примеру, чемпионы страны в Англии став «Арсенал», а в СССР «Динамо» и «Спартак», не говорит о классе игры каждой из этих команд. Класс игры конкурентов проверяется только во время их встреч на поле. После первого международной встречи в 1922 году замоскворецкого клуба со сборной Финляндии, закончившейся со счетом 7:1 в пользу московской, советские футболисты встретились с командами Англии, Италии, Венгрии, Франции, Испании, Австрии, Чехословакии, Германии и многих других стран Европы. Но мы будем говорить лишь о тех, которые оказали известное влияние на советский футбол.

Первой встречей Финляндия можно назвать «пробный матч», поездка на следующий год сборной команды РСФСР в Скандинавию была уже «равнодушной борьбой». Она принесла успех. Наши футболисты одержали победу над шведами и норвежцами и на этот раз основательно поверили в свои силы.

Сборная команда СССР впервые выступила в 1924 году. Ее противником была приехавшая в Москву сборная команда Турции. Гости потерпели поражение. Матч закончился со счетом 3:0 в пользу СССР.

Затем последовал так называемый «турецкий цикл». В течение двадцати лет обменивались визитами советские и турецкие национальные команды. Эти встречи показали, что советский футбол был сильнее турецкого: подавляющее большинство матчей закончилось победой наших футболистов.

Скитники же только иронически

улыбались, намекая на то, что турки — игроки невысокого класса. «Что турки, — говорили они победителям, — вот попробуйте сыграть с профессионалами!»

Скитники — разновидность болельщиков. В отличие от болельщиков, которые при любых обстоятельствах кричат: «Наши сильнее!», они, скитники, всегда стараются доказать собеседнику, что «наши слабее». Скитники, к счастью, меньше, но они всегда есть. Те и другие несправедливы. Тех и других опровергают факты.

Футбол романтичен. Он овеян мифом о великом легком олимпийском силе удара или непостижимой изобретательности корифея кожного мяча.

1956 год. Футбольная команда СССР одержала на Олимпийских играх в Мельбурне победу. На снимке: капитан команды Игорь Нетто на пьедестале почета.

«Ему запрещали бить пенальти: он ударом мяча ломал руки вратарю!» — говорили про Михаила Бутусова. Если он попадал мячом в штангу, то игра приостанавливалась: от ворот оставались лишь щепки! — рассказывали про удар Михаила Денисова.

Футболисты, конечно, знали, что ни в какие времена обломков штанг на футбольных полях после матчей не находили.

Однако кто же это за «профессионалы», что это за «вашистинки» мяча?

И вот осенью 1934 года сборная Москвы выехала в город Брно на первую встречу с про-

фессионалами — лидерами розыгрыша первенства Чехословацкой командой «Жиденце». Оказалось, что не так страшен черт, как его малюют! Москвичи выиграли у чехов со счетом 3:2!

НОВОГОДИНИ СЮРПРИЗ — «ДУБЛЬ-ВЕ»

Еще не успели отзвучать победные фанфары, как неожиданно-негадано подкравлась беда. Это случилось 1 января 1936 года в Париже, где сборная Москвы выступала против клуба «Рсинг». Новогодний сюрприз преподнес нашим игрокам английский тренер Деннис Кемптоу, приглашенный во Францию подготовить футболистов «Рсинга» к матчу с московскими. Сюрприз назывался «Дубль-ве».

То был один из самых драматических и самых омутных матчей для советского футбола.

Нельзя сказать, однако, чтобы французы особенно поразили москвичей. Замечательные дублиры советской команды — Сергей Ильин, Михаил Якушин и Василий Смирнов — с первых же минут своего вхождения в штрафную площадку хозяев поля заставили восторженно загудеть переполненные трибуны стадиона «Парк де пренс».

«То, чему мы были свидетелями, просто невероятно. Русские нападали с первых минут и до конца матча. Они форменным образом штурмовали французские ворота. Между тем они проиграли. Французы же, все время защищаясь, ограничившись лишь несколькими прорывами, победили!» — писала «Прагер тагенблетт» об этом матче. «Счет 2:1 в пользу «Рсинга» еще не означает перевеса одной команды над другой», — лаконично заключала лондонская газета «Морнинг пост».

Все пресса дала прекрасный отзыв об игре русских футболистов. Но скрытые пружины, решившие судьбу матча, остались вне поля зрения газетных обозревателей.

Устаревшими оказались каноны, на которых долгие годы покоилась тактика советского футбола.

Первая заповедь — крайние полузащитники держат иррабных нападающих» — оказалась несостоятельной. Отныне входили в силу новые тактические приемы: «полузащитники должны держать по-

лудрени. И всего их будет два». А центральный полузащитник — это почталон команды на поле, в обязанность которого входило по адресу доставлять мячи нападающим и поддерживать их в атаке, — превращался в третьего бека с сугубо защитными функциями.

Однако, чтобы окончательно убедиться в том, что новая система игры действительно является прогрессивной, советским футболистам понадобился еще один предельный урок. На сей раз его преподала испанская команда басков, команда экстра-класса, обладавшая редкой по силе линией нападения. Горостиза, Раейро, Лангара, Ирраргорри, Алонсо оставили великопленное впечатление у советских зрителей.

Баски без особого труда победили обладателя Кубка СССР, тогда еще молодую команду «Локомотива» (5:1), и, прежде чем встретиться с чемпионом страны — московским «Спартаком», дважды нанесли поражение лидеру советского футбола — команде московского «Динамо» (2:1 и 7:4).

Испанцы играли «Дубль-век».

Долго засадал тренерский состав «Спартака», пока наконец решился выступить против грозного соперника, применяя ту систему, с которой советские футболисты впервые познакомились, всего полтора года назад в матче с «Рсингом». И «Спартак» выиграл со счетом 6:2. После встречи с басками начался эпоха нового тактического развития в советском футболе.

Через три года, уже освоив и творчески развив новую тактику, советские футболисты сыграли последний доводный международный матч. Московский «Спартак», выезжавший в Болгарию, выиграл у сборной команды Софии со счетом 7:1.

Вновь прервала международные встречи.

ВСЕМИРНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Пожалуй, самым волнующим в истории советского футбола был 1945 год. 13 ноября неисчислимые армии болельщиков засели у радиоприемников. Загнав дьявола, они ждали начала матча «Динамо» (Москва) — «Челси» (Лондон).

Двадцать восемь лет ждали советские футболисты встречи с

1957 год. Матч Бразилия — СССР. Острое положение у ворот гостей.

Фото Н. Светлакова.

сильнейшими футболистами Англии. Имена прославленных игроков Англии — Алекса Димкса, Хейгуда, Брука, Дрейка, Луттона, Мельюза — были хорошо известны в СССР. Советские любители футбола знали также, что редко кому удавалось обыграть футболистов Англии, и тем более на их собственном поле.

Правда, советские мастера кожаного мяча уже имели немалый опыт в досрочных международных встречах. Но англичане все еще продолжали считаться «гегемонами футбола», и это придавало повезде динамовцев в Лондон необычайный интерес. Успехи динамовцев превзошли все ожидания: ничья с «Челси», победа над «Арсеналом» и, наконец, разгром «Кэррифф-Сити». Это был подлинный триумф Алексея Комича — вернувшись популярнейшим вратарем с кличкой «Тигр», а Константин Бесков был провозведен английскими болельщиками в «бомбардир».

Но среди победного шума и славыслыш то и дело раздавались робкие намеки на то, что, мол, техника у советских футболистов, несмотря на одержанные победы, все еще отстает от техники англичан. К сожалению, эти критические замечания не привлекали к себе должного внимания ни наших тренеров, ни самих футболистов. О них сурово напомнил 1952 год.

На олимпиаде в Хельсинки обнаружилось, что техника игры советских футболистов действительно «хромает». И подобно тому, как советский футбол пятнадцать лет назад начал перевооружаться тактически, так после поражения в Хельсинки он стал перевооружаться технически, и уже на значительно более высоком техническом уровне выступили московские динамовцы против английского «Арсенала» в августе 1954 года, на этот раз с советской столицей «Арсенал» проиграл со счетом 0:5!

Советский футбол постепенно получал всемирное признание. В 1957 году наши футболисты завоевали в Мельбурне золотые медали и звание олимпийских чемпионов. Они одержали трудные победы в полуфинале над болгарским со счетом 2:1 и в финале над Югославией со счетом 1:0.

Опыт длительной спортивной борьбы на международном уровне говорит о том, что главное оружие советских футболистов — стремительный темп и зносивость, а западные команды — выносливость. Которые из этих видов оружия острее, возможно, покажет следующий год. Я имею в виду всемирный футбольный турнир, где примет участие весь мастер кожаного мяча всех континентов.

***

Нашему отечественному футболу шестьдесят лет. Воздавая должное главному юбилюру, мы гордимся его многолетним поведением над лучшими зарубежными командами. Но юбилей и ко многому обязывает. Чтобы завоевать титул сильнейшего, советскому футболу надо установить новый рекорд, то есть выиграть первенство мира. В таких соревнованиях советские футболисты примут участие впервые. Поедем же мы от всей души болеть успехов!

1958 год. Матч на первенство страны между командами «Спартак» (Москва) и «Зенит» (Ленинград). Фото А. Вочинина.

БОЛЬШОЙ СЕЗОН

Николай СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта

Каждый футбольный сезон обещает много острых переживаний, надежд и захватывающих встреч. Но сезон 1958 года особенный: в нем отмечается шестидесятилетие русского футбола, началось двадцатый чемпионат СССР по футболу, а в июне сборная команда Советского Союза впервые примет участие в розыгрыше первенства мира, который состоится в Швеции.

Много труда затронуло наших футболистов, чтобы получить это почетное право. Но еще большее усердие потребуется от них, чтобы оказаться первыми среди сильнейших.

Не так давно в столическом цирке «Орбидрам» состоялась торжественная церемония жеребьевки финальных соревнований VI первенства мира по футболу. В результате из шестнадцати команд-финалистов составлены такие группы: первая — Федеративная Республика Германии, Аргентина, Северная Ирландия, Чехословакия; вторая — Франция, Парагвай, Югославия и Шотландия; третья — группа — Мексика, Швеция, Венгрия и Уэльс; четвертая — Англия, СССР, Бразилия и Австралия.

Вывая команды сыграют по одной игре «каждый с каждым» внутри своих групп, а две лучшие

из них по количеству набранных очков получат право играть в четвертьфиналах. С этого момента розыгрыш продолжается по принципу «проигравший выбывает». Победитель финального матча получит звание чемпиона мира по футболу 1958 года и будет носить его в течение четырех лет, до следующего первенства.

Сборная команда СССР в июне играет с Англией, 11 июня — с Австрией и 15 июня — с Бразилией. Финальный матч состоится 28 июня в Стокгольме.

Советская команда попала в самую трудную группу.

Какие только не высказываются мнения и предположения по поводу предстоящего мирового первенства! Сколько разговоров идет об окончательном составе сборной советской сборной! «Можно ли надеяться на таких «ветеранов», как Криквенский, Симонян, Сальников» — выносятся болельщиками футбольную честь. Родины лучше защитит совсем еще молодые по возрасту Метреливи, Фладе, Гусаров! А не будет ли полезно включить в состав сборной и тех и других? Или, может быть, следует варьировать судьбу первенства среднему поколению, которому сейчас около двадцати пяти лет!»

Видите, сколько разных мнений, и каждый из болельщиков по-своему в чем-то прав...

Не меньший интерес проявляют любители футбола и к первенству СССР: в несопнящих сердцах болельщиков возникает десятки и сотни вопросов: удержит ли московский «Динамо» титул чемпиона или его сумеет опять вернуть себе «Спартак»? Как прозвучит слово «молодежь» надлежание «Торпедо»? Кто победит в классе «Б» и кто будет последним в классе «А»? «Омолодит» ли свою игру Сергей Сальников и, наоборот, «повзрослеет» ли игра Анатолия Корнухова, Бориса Лобутева и многих других их сверстников?

Какой ответ дать на эти вопросы? Лучше всего, конечно, набраться терпения и ждать.

Надо надеяться, что наши лучшие игроки с победой вернуться из Швеции, а ближе к осени прояснятся и другие спорные футбольные вопросы. Возможно, что многим из болельщиков придется пережить и некоторые разочарования. Но в этом большом своем предствлет, конечно, и радости больше.

Будем же твердо верить в то, что советский футбол еще выше поднимет свой класс и завоеует то место в мире, которое мы от него ждем.

КАПЛЯ ЛУННОГО СВЕТА

Рассказ

Рисунки П. Вуинга.

Фалеа нашел это. Но Туман правил каное, с которого вырвал Фалеа, чтобы найти это, а Мотун принадлежало каное, которым правил Туман, когда Фалеа нашел это. Старый же Мата был почетным отцом и Мотун, владевшая каное, и Туман, грёбца, и Фалеа, который нашел это...

И вот все они — Фалеа, Туман, Мотун и Мата — представляли свои права из этой ахаоку. Так началось ссоры. Она с каждой минуты обострялась, потому что на острове Фуфуту не было ни судов, ни судов. Единственным орудием, при помощи которого здесь с древних времен решали всякого рода споры и тяжбы, служила дубинка, усаживая зубами акулы.

Туман, настоящий великан, был первым, кто предложил решить спор таким первоитым способом.

— Если на то пошло, — сказал он просто, — нам придется драться за это. Будем драться, и кто останется в живых, тот и воспользуется ахаоку.

Они сидели в пурпурной тени под янковой нависшей крышей, образовавшей нечто вроде веранды перед их хижиной, — четверо их: старый Мата и трою его сыновей. Неудале искрился серебристый полумесяц озвора Фуфуту — серое, нежно пожинавший прилив волн Тихого океана. Они жили на краю этого серебристого серпа. Его кривая была их миром; его хорда — их горизонтом; его гребень — их жизненным пулсом.

И вот сейчас этот серебристый серп неожиданно доставал им необычайной трофей. Из коралловых пещер рифа они извлекли сокровище, которое мгновенно отодвинуло на задний план все свержающие начала и настроило их на воинственный лад.

— Но все-таки я нашел это! — упорствовал Фалеа.

Он был самым младшим из

братьев, этот юный морской бог, цветом кожи напоминавший луну между монету, с чертами лица, словно африканскими резцом, с курдюками волосами, надутыми соком дикого апельсина. Он держался невозможно в стороне от других, и его полные губы, походящие на десерт алого ибиса, выражали горечь утраченных надежд...

— Но все-таки нашел это я! — повторял он.

— Ты уже сказал об этом десять раз по десять, — возразил Туман. — И если бы ты даже нашел это десять раз по десять, все равно не было бы никакой разницы. Все равно это было бы мое. Скажи, кто тебе позвал на олово, кто был грёбцом на каное, кто был вырван? Кто расклевывал устрицу на солнце? Я буду драться с тобой, Фалеа, если ты так хочешь, свое право я выставляю против твоего права.

Мотун ухмылялся:

— Нам гроб хочет затеять драку, в которую он только и верит. Но и мы можем кое-что сказать. Я тоже заявляю на это свое право, Туман. Я подкалываю тебе, где находится глубоководное устричное гнездо. И ты приняла мой совет. Послушай же меня теперь. Если ты заставишь нас драться, то мы сообщим, конечно, убьем тебя. И тогда твою долю мы разделим между собой. Четвертая часть, скажем, четыре тыщи чилийских долларов.

Все повернулись к нему. За Моту давно установилось прозвище Фияня голова. Он был самым старшим сыном Мата, правда, и имел других ростом, но очень способный и хитрый. Насколько брат признавал преимущество его ума, видно было по мрачной гримасе Туман, по беспокойному состоянию Фалеа и подозрительному взгляду самого старика Мата. Тем не менее все слушали его с глубоким вниманием.

— Я знаю много такого, чего не знаете вы. Я побывал там, где никто из вас никогда не был, — в Расотоне, а Фиджи и даже в Таусисине. Я доходил до Паумоту, где жемчуг собирают целыми корзинами. Кто же знает больше меня? Однажды в Папале я видел жемчуг. Он был лишь чуткою мезлею нашего. Да, он был почти такой же величествен, и толстый куле-фануану заплата за него шестидеять тысяч чилийских долларов.

Он не употребил туземного слова для обозначения понятия «тыщи»: такого слова нет в ходу на острове Фуфуту. Но все они знали, что это большие деньги. Каждый из них жалко глядел на предмет спора, лежавший перед ними на мате, в мягком гнездышке из волокон кокосовой пальмы.

Это был изумительный жемчуг, один из тех, какие время от времени добывают на Короманделе, на Шеллоне, на острове Четераги или островах Нижнего Архипелага. Этот жемчуг, равный яхту репелова по размеру, был без малейшего изъяна, исключительный по структуре и окраске, совершеннейший во всех отношениях.

Таким он и оказался бы каюкою мундибул бродячему искателю приключений на берегах Тихого океана, если бы только ему выпало счастье отыскать такой жемчуг. Тем же, кто более трезво смотрит на вещи, жемчуг этот представлялся бы зловонным сокровищем, так как он был несравненно красивее и дороже многих драгоценных камней, из-за которых велик распри, ставлялись на карту жизнь и честь, проливались слезы; из-за которых коронованные особы и их фавориты приобретали славу или покрывали себя позором.

Для обитателей же острова Фуфуту, этих нивных детей солнца, найденное сокровище означало нечто более практичное.

— На шестидеять тысяч чилийских долларов, — сказал Мата, — можно купить настоящий дом, как у богатых людей, с железной крышей, а также завести поросат и купить табак! А может быть, еще и ружье в придачу, в чем мы так нуждаемся, — кинул он на ржавое охотничье ружье, висевшее на стене.

Жемчуг лежал перед ними, так в себе огромные возможности. И каждый из сыновей, слушая Мату, делал свои расчеты, строил свои тайные планы. Они смотрели на жемчуг с завороженным восторгом. И адруг раздался веселый смех, и свержающий жемчуг, точно по волшебству, очутился в чьей-то руке.

Поразженные неожиданностью, глядели они на тонкие, длинные пальцы, схватившие жемчуг. Это были пальцы пятого члена их семьи, девушки-калеки по имени Лель, о которой они забыли, о которой они часто забывали, на столько тихо она держалась в доме.

Девушка сидела на своем низком диванчике с колесиками — единственной вещи, сохранившейся от миссионерского учреждения на Фуфуту и доставшейся ей как печальное наследство. Она держала жемчуг в руках, подбрасывала на ладони и разглядывала на свет, любящая его великолепием.

— Какая красота! — лепетала она. — Но что это значило для меня... Что-то бледное и грустное, как лунный свет. Как капля лунного света!

Все незвольно улыбнулись, даже мрачный Туман и недовольный Фалеа ухмыльнулись. Да и незло было не улыбаться, когда Лель являлось желание смеяться.

Было время, когда ни одна девушка на острове не могла справиться с Лель всеостото и живучести. Она была настолько как быстро бегать и самолюбиво превладала играм, гонящаяся за рыбой цета радули на глубине двух метров в голубой воде; кататься на волне результате прибой или танцевать и кружиться, точносимым ветром листок страстоцета.

Да, она много смеялась в те дни. Смеялась и лела. Любила называть людей и вещи разными причудливыми именами, в которых, как птице щебетание. Любима кончатная, особенно с тремя сыновьями Мата, пока не возник вопрос о браке, который должен был преречь всякие вольности ее изысканий.

Но один несчастный день покоил со всем этим, день, который долго вспоминали беззаботные обитатели острова со смешанным чувством благоговейного страха и юмора. В тот день здание миссии пастора Дингуиди было разрушено ураганом. Никто не стал бы особенно сожалеть об этом, кроме самого пастора, никто не возмущал бы ослепительный эту дугуу древних богов, если бы Лель не стала случайной жертвой катастрофы. Лель, которую пастор, как дико, непрерывное создание, наматил первой обрывать в свою веру, в молитву и в молитву, была стала случайной жертвой катастрофы. Лель, которую пастор, как дико, непрерывное создание, наматил первой обрывать в свою веру, в молитву и в молитву, была стала случайной жертвой катастрофы. Лель, которую пастор, как дико, непрерывное создание, наматил первой обрывать в свою веру, в молитву и в молитву, была стала случайной жертвой катастрофы.

С того дня она и стала жить в семье Мата, своего двоюродного дяди, единственного родственника, который привлек ее внимание, и она, в семью со своей постелью на колесиках и творила здесь чудеса:

содержала в порядке хижину и очаг, руководя двумя престарелыми женщинами, которые стирали, прали, шили и плели маты. Она была всегда чисто одета, причесана, украшена гирляндами ярких ракушек, а волосы, которые подчеркивали ее красоту, как и раньше, всегда можно было видеть пучок цветов, хотя теперь все это для нее не имело никакого значения: ни один мужчина не интересовался ею.

Сыновья Маты хорошо, дружелюбно относились к Лель. Они смотрели на нее, как на сестру. Она больше не замечала в их глазах ни внезапной вспышки ревности, ни любви. Сейчас она беспечно следила за ними из-под опущенных ресниц, завладея жемчугом.

— А на самом деле это — только старое устричное яйцо, — сказала она наконец.

— Устричное яйцо? — удивился Мотун. — Здорово ты придурилась! Откуда тебе такое взбрело в голову, девушка?..

На это раз никто не угадал: с таким далеко зашла она в своем споре, ни теперь не до шут.

— Это самая чудесная находка, какую когда-либо приходилось видеть на Фуфутти, — сказала Мотун. — Это счастье привалило нам!

Лель положила жемчуг на выгнутую ладонь.

— Но находка никому из нас пока не принесла счастья, — сказала она. — Ты все-таки хочешь драться, Туман? А ну скажи, что ты замечлаешь? И что ты ставишь делать с жемчугом, если победил?

— Хел — пробасила Туман. — Я купил бы себе быстросухую шкуру, как у белых, с железной дьявольской машиной, чтобы можно было плавать без ветра.

— И только себе одному? — спросила Лель.

— Конечно.

— И ты тогда был бы счастлив?

— Конечно.

— А ты, Мата, что скажешь ты?

— Я говорю, давайте бросим жребий, — твердо сказал старик. — Так будет справедливо. Мы выберем мешок камешков и потом будем вытаскивать по одному. Кто вытасит последний камешек, тому и достанется жемчуг.

— Ему одному?

— Да.

— Чтобы закупить поросат и ружье?

— Да!

— И ты тогда был бы счастлив?

— Да, да! — кивнул Мата.

— А ты, Мотун?

— У Мотун уже был готов ответ.

Чтобы разрешить эту грудачку, сказал он, нужен острый пролавец. Если ждать торговца, который может заглянуть на остров в следующем месяце, то он, конечно, обманет. А вот если послать кого-нибудь на далекий рынок — человека способного, серьезного и умного, — то он, несомненно, получит за это жемчуг гораздо больше, чем шестидесять тысяч долларов. Он вернется домой с мешком серебра, которого хватит всем!

— И я не посприл бы ничего за свой труд, — скромно закончила хитрый Мотун.

— Ого! — сказала Лель. — Знаю, ты взял бы на себя это дело?

— Я обделал бы все как нельзя лучше.

— Ты один согласишься свезти жемчуг к белым людям? И ты был бы счастлив?

Мотун заявил, что ничто не доставило бы ему большего счастья,

чем это. Лель обратился к самому младшему сыну:

— Фалеа, теперь твой черед.

Фалеа все еще держалась в стороне от других, так как считал себя более обожженным, и, как только Лель обратился к нему, он вскричал возмущенно:

— Нет! Не признаю я никакой очереди! Я не буду принимать в этом участие, чтобы не меня потом совсем не отпустил. Вора! — закричал он, вскакивая на ноги.

Неравновесное состояние достигло предела. Мотун потихоньку нагнувшись вбок у себя за поясом. Туман взревел громовым голосом:

— Кто вор?

— Ты... все вы! — крикнул Фалеа. — Если я подниму кановый орек, — он мой? Если я найду жемчуг, — может ли кто-нибудь взять его у меня, если он не презренный вор?

Красивым бронзовым боком казался он в эту минуту.

— Часть стоимости жемчуга мне тоже не нужна... Жемчуг нежелан — вот с таким сокровищем я стаю бы королем! Я мог бы поехать, куда мне пожелается, и иметь все, что захочу. Я мог бы увидеть портовые города белых людей и плавать на их кораблях, и белые люди прислуживали бы мне. Я купил бы себе красивую шелковую рубашку, такую, какую носили торговцы, и золотую пеночку, и кольца и браслеты, большие — желтые башмаки. Я купил бы себе музыкальный ящик и флакон духов, банку ароматного масла и много гасктовок, часы со звоночком и железный зонтик и три сорта консервированного мяса на завтрак!

Говоря это, он подвигал все ближе и ближе к постели Лель. — И ты думаешь, что ты все это получишь? — рявкнул Туман. — Дураки!

— Попробую! — сказал Фалеа и попытается схватить жемчуг. Все бросился к нему, чтобы отстранить его и самым невадательным образом прогнать. Но как и Фалеа, они свистали... воздух!

Лель даже не пошевельнувшись, когда все устремилось к ней. Она, как и раньше, держала руки на коленях, но на задних у нее жемчуга не было. Было ли то волшебство или ловкость рук, но только жемчуг исчез мгновенно.

Жемчуг исчез. И она изумленно тарашила глаза и что-то бормотала. Пурирующие тени начали ступаться вокруг нее.

— Вас волнует эта кипля луноуго света? — сказала она мягко. — Ах, и спиртала ее. Она у меня. Я решила оставить ее себе.

Все четверо разглядели рты от удивления.

— Да, я решила оставить ее себе, — повторила она. — А почему я не вправе это сделать? Каждый из вас хотел бы захватить выделенное сокровище, но не для себя одного. Вот и я хочу. Я не заметила, чтобы кто-нибудь из вас подумал обо мне, о Лель. Но я тоже хотела бы иметь некоторые дорогие вещи. Мне тоже хочется быть счастливой. Очень хочется. Я мало знаю белых людей и их обычаи. А то, что я узнала от них, не принесло мне счастья. Но вы все верите, что белые люди могут продать вам какое-то сказочное счастье за ваш жемчуг. Очень хорошо! Я сохранил его у себя, пока не придет белый торговец, и тогда я куплю себе счастье.

Она умоляла. Странную злобу выназала у них ее откровенная реч.

Может быть, вы возмущаете обижать меня? Ну я что же. А я буду кричать и звать на помощь соседей, и тогда вам уже никогда не видать жемчуга! Никогда, никогда, даю вам слово! Хотя бы вы и убили меня. Ну, начинайте! — вскричала она. — Начинайте! Обсуждать бедную девушку-калеку!

Такой неожиданный поворот поставил их в тупик. Они не знали, что делать. Жемчуг был сиротан. Крохотную вещь она могла засунуть куда угодно... Сбитые с толку, озабоченные, возмущенные, переполненные несправедливостью они отступили и в некоторые время стояли, сбившись в кучку.

Лель осталась одна под широким навесом тростниковой крыши. Закрыв глаза, она почувствовала себя измученная, лишенная последних сил маленькая миротворца.

Открыла глаза, она увидела Туман, стоявшего перед ней на мате.

— Лель! — начал он несмело. — Лель, я не могу много говорить, скажу только вот что: ты слишком уверена в себе. Лель. Но одна ты не справишься. Ты нужна, нужна в защите... Я могу быть твоим защитником. Мы хорошо уживались бы ты и я.

Она приподнялась на своем диванчике, приложив растопырившие пальцы к груди, до крайности удивленная, почти испуганная.

— Что... что ты хочешь сказать? Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, Лель.

Она долго глядела на него в недоумении, не веря своим ушам. — О-о-о! — протянула она, и следом устремилась к себе, проговорила: — Я... я не могу пока сказать... Я подумаю об этом... Отойди, Туман.

Туман снова принял обычную свою позу, заслонил ее все.

— Хорошо, я уйду. Но помни, от меня ты так скоро не отделаешься. Если предпочтешь мне кого-нибудь другого, — берется! Я отворю ему голову, как апельсин от ветки!.. Помогите ей.

Туман отошел, и она опять осталась одна с сильно болящим сердцем, одна, пока под навесом крыши не вступил ее выско-

Письмо из Японии

Я японский юноша Тосими Хисаси. 20 января 1956 года мне исполнилось 19 лет. Я обращаюсь к вам потому, что у меня есть одна просьба, и, кроме того, потому, что знаю вашу страну по телевизионным программам, радиопередамкам, газетам и книжкам.

В прошлом году я был совершенно ослеплен, услышав по радио о том, что вам удалось запустить спутники № 1 и № 2. Однажды я остался 3 часа ночи и смог собственными глазами наблюдать в течение 10 минут за полетом спутника № 1. Поскольку у меня нет часов, я не смог записать точное время и тут же бросился на ближайшую станцию.

Тогда была холодная ночь, и я дрожал, стоя на возвышении. ... В марте прошлого года я окончил среднюю школу в Хидаши в префектуре Хиого. Однако моя семья настолько бедна, что я не смог пойти учиться в университет или колледж. Поэтому я попросил дядю, который работает в киномагистратури Цубоцуки Эбэга, чтобы он устроил меня на работу, и с марта прошлого года я здесь и работаю.

Я трудюсь уже всех сил с утра до вечера, чтобы иметь возможность приобрести фотоаппарат. Но я понял, что скопить достаточно денег для этого очень трудно. На сегодня я наконец скопил денег для того, чтобы купить катушку фотопленки на 36 кадров.

Говорят, что Япония является первой страной перелетных фотографов общества. Мы же, простые люди, хотим иметь фотоаппарат и усердно работаем, но не можем этого сделать. Почему? Я не знаю этого.

Каждый месяц мой дядя покупает журнал «Асахи Камерару». Я просматриваю материалы, помещенные в фотосекции и журнальном номере этого журнала, и видел там новости о фотоаппаратах иностранной фирмы, которые мне крайне заинтересовали. Мне очень захотелось иметь фотоаппарат марки «Старт». Не будете ли вы так добры прислать мне эту фотокамеру? Если бы я смог получить ее, то я прислал бы вам фотоснимки японских видов, сделанных этим фотоаппаратом.

Иногда я слушаю передачи московского радио на японском языке. Я питаю надежду поехать в вашу страну, но сделать это, должно быть, слишком трудно. Поэтому я доверяюсь кинофильмам, телевидению, фотоснимкам, радио и отчетам о путешествиях, а также чтением газет и книг.

Я также должен написать о выступлениях балетной группы из вашей страны. Я не смог пойти в театр, чтобы увидеть эти выступления. Поэтому я смотрел их по телевизору, и это было чудесно! Все японцы были поражены такой прекрасной выступлением.

Перед тем я видел по телевизору интервью, которое дала глава Коммунистической партии Н. С. Хрущев американским журналистам. Это было около полноты, и все в доме моего дяди уже спали, но я остался бодрствовать и просмотрел всю программу.

Пожалуйста, напишите мне, я жду от вас письма.

Искренне ваш Тосими ХИСАСИ

кочитный дядюшка, сам старший Мата.

— Лель! — начал он. Как человек семейный, обладающий жизненным опытом, он приступил и делу осторожнее. Его смуглое лицо, сморщенное, как орех, выражало одну лишь благожелательность. — О Лель, какая ты умная девушка! Но ты не сможешь все это обладать одна. Тебе нужно положение, которое поддерживало бы тебя, Лель. Я здесь вождь, и если я найду нужную взять себе другую жену, она будет пользоваться большим уважением. Мы хорошо уживались бы — мы с тобой! — Что?.. О чем речь? — Я прошу тебя быть моей женой, Лель.

— Она опустила голову, закрыв лицо руками. — Я должна подумать... Увиди, Мата.

Хорошо, — сказала старший вождь. — Я уйду. Но советую тебе не обращать внимания ни на какие другие предложения, моя дорогая. Сыновья мои — очень ветреные ребята... Запомни это!

Не известно, сколько прошло времени, прежде чем другой голос начал напевать ей на ухо, мягкий, обстоятельный:

— Лель, о Лель! — Она подняла глаза и увидела Мотуи, кото-

рый стоял перед ней с самодовольной, глумливой улыбкой. — Я глубоко тебя уважаю, Лель. Ты очень умная. Ты слишком умная, чтобы не воспользоваться благоприятным случаем, когда я скажу тебе... когда скажу, что ты можешь навсегда избавиться от своего калечества, Лель. Я знаю, где тебя

смогут вылечить. Мы сможем выжить туда вместе, ты и я!

— Как тебя понимать? — спросила она, затаив дыхание.

— Завтра из нашей гавани отплывает шхуна на Фиджи, а в Фиджи есть больница, где гелые врачи творят чудесные врачевания. Разве ты не хотела бы снова быть здоровой? Какая это была бы радость, если бы ты могла бегать и веселиться, как прежде! Подем со мной на Фиджи!

Она покачивала на своем диванчике. — Только выйди за меня замуж, Лель, и сегодня вечером я отнесу тебя на шхуну!

Она задалась от охватившего ее чувства душевной боли, но она была в себе достаточно сил, чтобы жестом отогнать Мотуи.

Хорошо, — сказал он злобно, — я уйду. Но никто не сделает тебе лучшего предложения, Лель. Никто не сможет дать тебе такого счастья... Запомни, что я сказал!

Но и это не было последним испытанием. Еще большее возмнение охватило ее, когда она почувствовала острый запах дикого апельсина и услышала шепот, нежный, как музыка. Фалеа стояла на коленях у ее постели.

— Лель, о Лель! Какое мужество живет в твоей удаче! Какая ты храбрая, Лель! Но без любви ты не проживешь.

А моя любовь к тебе горит огнем, Лель. Давай же уедем далеко отсюда вместе, ты и я!

Давно-давно уже не слышала она таких слов, и долго придется ей ждать, прежде чем кто-нибудь из мужчин опять обратится к ней с такими словами. Нет, никогда не услышит ей таких слов!

— Давай поженимся, Лель!

Голосом нежным, как песня, удерживал он ее, он говорил точно так, как говорил ей в то время, когда она была здоровой и

красивой, когда, словно нимфа, плела и танцевала на морском берегу.

— О Лель, ты как цветок в прохладной тени! Ты как утренняя роса! Подем же со мной. Мне как-то стоит в лагуне. Я отнесу тебя туда на руках, и мы уедем куда-нибудь на далекий остров, где нас никто никогда не отыщет. Жизнь наша там будет сплошной радостью, я буду ухаживать за тобой и никогда не отойду от тебя, потому что велика моя любовь к тебе, Лель!

Его рука обвилась вокруг ее талии, он привлек ее к себе, и она затрепетала, как поймавшая в сети птица. Она была женщина, жестоко обижаясь и ограбленная судьбой, но, тем не менее, женщина, и в ней неожиданно вновь пробудилось чувство. А у нее уже не было сил сопротивляться...

Фалеа как будто нечаянно коснулся ее пальцев и разжал их. Горячий, дрожащий рукой начал она шарить у нее на груди под ожерельем, под материей, на которую она лежала, и под легким одеялом, которым она была укрыта. И она начала уступать. Она готова была уступить. Она вот-вот должна была уступить ему, как вдруг перед ее затуманенными глазами предстало лицо, искаженное гневом, и она увидела, как чья-то рука схватила ее ухватывателя за волосы.

— Ха! Я поймал тебя, крыса! — раздался возмущенный голос. — А мы ведь договаривались, что никто не шарит у нее на груди под одеждой!

То был Мотуи. Он схватил Фалеа, и к ним сразу же подбежали Мата и Мотуи.

— Держи его! — воскричал Мата и тоже бросился в драку. — Держи их обоих! Кто-нибудь из них уже схватил жемчуг! — кричал Мотуи.

Воры! — вскрикивал Фалеа, задалась от бешенства. — Фалеа мигнула — и жемчуг был мой!

— Ну, так подходите ко мне, все вы! — заревел Мотуи. — Все до единого! Пришло время рвать. Я буду драться со всеми — вот так, и вот так, и вот так! Хо-хо!

И сильнейший из нас получит жемчуг.

Ударом кулака он выбил из рук Мотуи жемчуг, сверкнувший в воздухе, как серферистская летучая рыба, зажал между колен Фалеа и обхватил руками Мотуи, намереваясь помочить его ребра. Он, вероятно, и сделал бы это, если бы Мата не повле у него на шею.

— Остановитесь! Остановитесь... или я буду стрелять!

Это был такой крик, на который нельзя было не обратить внимания, и они сначала смутно, а затем совершенно ясно поняли, что кричат Лель. Сидя на своей постели, она держала в руках ржавое охотничье ружье.

— Остановитесь! — еще раз крикнула она, и они повиновались. — Разойдитесь! — приказала она, и они сразу отпрянули друг от друга.

— Будь осторожна, оно заряжено! — взвизгнул Мата.

Она взяла курок и направила на них дуло ружья. Это ее первое ружье. Мата — единственное на всем острове, пользовалось большой славой. В течение многих лет они питали к нему страх и уважение, и сейчас все сразу попятились назад.

— Злые вы люди! — Она окунула их в агаллом, одного за другим. — Ах, какие вы злые, злые люди! Она вся дрожала от бури, пропущенной над ней, так что ожерелье повисало у нее на груди. — И все вы лгуны! Все, что вам нужно было, — это жемчуг!

Они утробно потупили глаза в землю, и тут Мата выразил их мысль.

— Чтобы решить спор, — сказала она, — ты должна выбрать сазама, Лель. Наметь, кого ты хочешь, и дай ему ружье, чтобы он мог защищаться, а ты, если жемчуг еще у тебя, — купи себе счастье, как сама того пожелалаши!

Да да, — подхватила все хором. — Выбирай!

— Очень хорошо, — сказала Лель. — Жемчуг у меня! — Не выпуская из рук ружья, она сделала шаг вперед и отступила от него на некоторое мгновение, появился жемчуг. Некоторое время она держала его перед ними, как бы для того, чтобы показать его красоту, чудесное маткое сияние этой жемчужной бездешушки. — Я сделаю выбор... Я не удалилась больше, почему эта вещь пробуждает азчные чувства и ненависть. Я знаю... Потому что я ней заключена сюда. Она пробудила назменные чувства в вас: в Туман, в Мотуи, в Фалеа, в Мате! И во мне она зажгла злобу, поглядите, какие мы все стали лезвильщиками! Где тот мир и довольство, которые окружали нас? Где доверие, любовь и дружба, которые связывали нас?

Молча, опустив головы, слушали они ее.

— Подумайте только, какой соблази посеяло это злое семя, какое себояблие и злобные чувства вызвало в наших сердцах! И куда бы его ни завезли, оно принесло бы те же плоды... И потому, — продолжала она, — если мне предоставлено право купить счастье, то я хочу купить его для всех нас, а также и для других людей, к которым этот жемчуг мог попасть... Если я должна сама выбрать свое счастье, то я выбираю то, которое было среди нас и будет всегда...

С быстротой фокусника она сунула драгоценный жемчуг в дуло ружья и, нацелившись поверх их головы в сторону рифа, над которым пенялась океанская волна, выстрелила.

— В конце концов, это только капля лунного света!

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПОРТРЕТЫ ШАЛЯПИНА

Известно, что русский художник Борис Михайлович Кустодиев написал отличный портрет Федора Ивановича Шаляпина. В Советском Союзе нет этого портрета. Он висит над камином в последней парижской квартире Федора Ивановича Шаляпина, на авеню Преши-Эйла, 22. Нет в нашей стране и репродукции с подлинника. Воспроизводившиеся в печати репродукции картин сделаны с ее уменьшенной автокопии, хранящейся в Русском музее в Ленинграде.

Мы попросили сына великого певца, художника Бориса Федоровича Шаляпина, живущего в Нью-Йорке, прислать фотографию с оригинала портрета. И вот она перед нами.

Провинциальный русский город. Ясный зимний день. Ветви деревьев, словно ватой, облеплены пушистым снегом. Масленница в разгаре. На фоне картины народного веселья — во весь рост, в расстегнутой шапке, с развевающимися на ветру шарфом богатырская фигура Шаляпина. У ног Федора Иванова — французский бульдог Ройка. Три фигуры на первом плане фона — теор Исай Григорьевич Диринский, большой друг Федора Ивановича, и две дочери Шаляпина — Марфа и Марина. В левом нижнем углу надписи: «Ф. И. Шаляпину. В. Кустодиев».

Интересна история создания этого портрета. Тяжелая болезнь — паралич ног — приковала Кустодиева к креслу. А хотелось, очень хотелось выполнить портрет Шаляпина на маленьком кусочке холста, а на большом полотне. Сидя в привычной позе, художник смог на-

писать только среднюю часть двухметрового портрета. А над верхней и нижней частями Кустодиев работал так, точно расписывая плафон подарками с холстом подвешивали над ним, художник, отинувшись, часами трудился над картиной. Работа продолжалась два года и была закончена в 1922 году. Борис Федорович сообщает, что его отец считал картину Кустодиева лучшим своим портретом...

Наш очень хотелось сделать какой-то подарок сыну Шаляпина в

ответ на присланную фотографию. И мы послали в Нью-Йорк довольно редкое фото, на котором Борис снит со своим братом около полувека назад в Москве. Вскоре мы получили от Бориса Федоровича интересное письмо. «В знак благодарности, — пишет он, — посылаю Вам снимок с Федора Ивановича и с меня около портрета, написанного мною в 1928 году во Франции». Этот снимок публикуется впервые.

М. ДОЛИНСКИЙ, С. ЧЕРТОК

Виктор БЕЗОРУДЬКО

НЕ ДАЙТЕ

Юмореска

Секретаря местного комитета строительного участка Постному поручили организовать для молодежи лекцию о любви. В зале собрались юноши и девушки, и Постный мастерски уже простоял в календарном календарном плахе галочку о проведении мероприятия.

Несколько лет тому назад Постный попал в бурное русло профессиональной жизни. Своим действительным членом секретариата местного комитета он начал весьма успешно: всю профессиональную жизнь учения разложил по панам и залез в шпидер стула. Поручения, которые ему давали, Постный выполнял точно и метко и в недалеком будущем просидит на должности председателя райкома союза.

— Это твоя любовь? Обращаюсь за ответом к первому источнику.

Постный посмотрел на девушку в голубом. Их взгляды встретились, и он konstатировал, что две оченно голубые, очень большие и очень красивые глаза. Они

Рисунки В. Соловьева.

излучали какое-то удивительное тепло. Постный не смог смотреть бы в эти глаза, но вспомнил о своих обязанностях лектора, выпрыгнул в шпидер и вытаращил оттуда топочку своим глазам.

В наших руках первоисточник том двадцать пятый Большой Советской Энциклопедии... Надеемся, что тут мы найдем исчерпывающий ответ на интересующий нас вопрос. Так вот, читаю: «Любовь — чувство. Любимый — историч. Любославный — метеоролог. Любовь на — поселец. Конститутивное слово «любовь» отсутствует. Отдельная ветвь в створку. Постный посмотрел на девушку и отметил, что у нее красивые брови, четкие очерченные губы и нежные наглазовые волоски...»

— О чем говорит этот фант Он говорит о том, что,

с точки зрения теории, обоснованное определение любви отсутствует. Так вот, с точки зрения диалектики и философии, юрши любви остаются невыясненными. Для подтверждения этого авторитетного утверждения обратимся к другим источникам. Мало и поверхностно углубляются о любви комаринские поэты. Прочта еще меньше.

В драматургии и кинодраматургии часто замалчивают о существовании фактора любви. Закуржались, поскольку вопрос этот еще не выяснен, перейдем и профессионалы.

Стоя на трибуне, Постный не сподвился глаза к незнакомке и прополз к залу, чтобы увидеть у нее прекрасная фигура и красивые руки.

Говорит Постный длинно, и неизвестно, когда бы остановился. Сигналы для такой остановки послужили неприятный фант, чуждые глаза незнакомки скармлились по венкам, а нежная головка поворота легла в плечо соседа, который давно уже забыл. Постный быстро расслышался с профессиональными делами и лекция закончилась.

— Минувшая осень, за мою года. Чуждый май пришел в гору.

Вечер. Светит луна. Звезды сияют. Поют соловьи.

На свидание в городской парк Постный прибыл на два раньше. Шел он счастливо букетом ландышей и твердил влюбленной девушке слова. Но что он слышит? Дома Постный пробовал пронаести на эту тему речь, но напропало. Дальше слов: «Маринича» — дело не дигалось. Из-за отсутствия авторитетных источников Постный не удалось написать и тезисы. Если бы пронаести в библиотеку фамилия Маринича. Она была в том же голубом платье, но ноги на немаленьком туфельно торжественно вручили девушке вышитый платочек с любовными. Возвлекая паузу, которую так старательно нарушил.

— Маринича, я тебе хочу сказать... промолвила Постный и умолк.

Она рыва легла на плечо девушки.

— Как же сформулировать я свой тезис? — думал Постный.

— Как же сформулировать я свой тезис? — думал Постный.

От переставших трелью или пережить и стремительно излучило излучением сердца. И месяц светила специально для двух сердец, и звезды сияли только для них, и вся эта оваривающая маясная ночь, пылающая и нежная, была создана для любви.

Но Постный нашел в себе столько сил, чтобы всею этим выдумкам природы противопоставить даровый смысл, который он слышал, он твердо сказал:

— Как сова, конечно, у меня нет надменного, обоснованного тезиса, чтобы пронаести безапелляционный фант своего отношения к данному вопросу. Но критично констатирую, что на сегодняшний день не подготовлен доклад на эту тему, а следовательно отрезок времени...

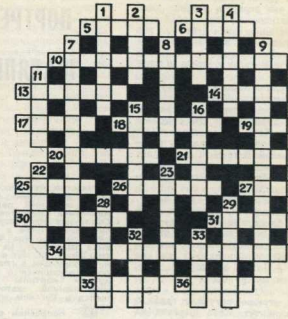
К сожалению, Маринича не успела быстро пошла. Нет, она не успела познакомиться с Постным. Постный долго стоял на месте, а девушка, забыв о сорванном мероприятии, и мысленно ставил себе за это задание.

Больше они не встретились. В этот вечер Постный долго смеял, месяц издевался и пел соловьи.

Перевод с украинского С. АЛИН.

КРОССВОРД

Составил Е. Сергеев.

По вертикали:

1. Русский художник.
2. Один из двух спутников планеты Марс.
3. Поэт у Гиней.
4. Устройство для регупирования потока жидкости, назва имя гав.
5. Вид подпшнина.
6. Ассесментная иронетная плантка.
7. Род многолетних эфиромасличных растений.
8. Древнеримский историк.
9. Равнин фиван.
10. Гостинная, зал.
11. Тригонометрическая функция.
12. Юрши хребта в Кроссоваре.
13. Тонкая шерстяная или полушерстяная ткань.
14. Растительный материал.
15. Род многолетних эфиромасличных растений.
16. Древнеримский историк.
17. Район восточной области Республики Саха.
18. Район восточной области Республики Саха.
19. Район восточной области Республики Саха.
20. Район восточной области Республики Саха.
21. Район восточной области Республики Саха.
22. Район восточной области Республики Саха.
23. Район восточной области Республики Саха.
24. Район восточной области Республики Саха.
25. Район восточной области Республики Саха.
26. Район восточной области Республики Саха.
27. Район восточной области Республики Саха.
28. Район восточной области Республики Саха.
29. Район восточной области Республики Саха.
30. Район восточной области Республики Саха.
31. Район восточной области Республики Саха.
32. Район восточной области Республики Саха.
33. Район восточной области Республики Саха.
34. Район восточной области Республики Саха.
35. Район восточной области Республики Саха.

По горизонтали:

5. Единица измерения электрического сопротивления.
6. Чешский писатель.
7. Работник тяжелой индустрии.
8. Сверхмаринский шрифт черной медведя.
9. Часть слова.
10. Луговой волк.
11. Персонаж повести Н. Гоголя «Мертвые души».
12. Птица семейства фазановых.
13. Вид соловья.
14. Шурша в одном действии А. Мельника на Мадья и тудая выделанная кожа.
15. Птица семейства фазановых.
16. Вид соловья.
17. Шурша в одном действии А. Мельника на Мадья и тудая выделанная кожа.
18. Птица семейства фазановых.
19. Вид соловья.
20. Шурша в одном действии А. Мельника на Мадья и тудая выделанная кожа.
21. Птица семейства фазановых.
22. Вид соловья.
23. Шурша в одном действии А. Мельника на Мадья и тудая выделанная кожа.
24. Птица семейства фазановых.
25. Вид соловья.
26. Шурша в одном действии А. Мельника на Мадья и тудая выделанная кожа.
27. Птица семейства фазановых.
28. Вид соловья.
29. Шурша в одном действии А. Мельника на Мадья и тудая выделанная кожа.
30. Птица семейства фазановых.
31. Вид соловья.
32. Шурша в одном действии А. Мельника на Мадья и тудая выделанная кожа.
33. Птица семейства фазановых.
34. Вид соловья.
35. Шурша в одном действии А. Мельника на Мадья и тудая выделанная кожа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По вертикали:

1. Ильяра.
2. Кимры.
3. Селва.
4. Тисенис.
5. Зерваши.
6. Ионис.
7. Зарис.
8. Юабин.
9. Минис.
10. Мосца.
11. Байна.
12. Игаро.
13. Казым.
14. Пирасисол.
15. Самаринд.
16. Зис.
17. Оссес.
18. Мискор.
19. Урал.

По горизонтали:

5. Петрозаводск.
6. Серафимович.
7. Зура.
8. Крым.
9. Уле.
10. Уле.
11. Амур.
12. Валу.
13. Имя.
14. Сала.
15. Сала.
16. Валу.
17. Валу.
18. Имя.
19. Сала.
20. Валу.
21. Валу.
22. Валу.
23. Валу.
24. Имя.
25. Сала.
26. Валу.
27. Валу.
28. Валу.
29. Валу.
30. Валу.
31. Валу.
32. Валу.
33. Валу.
34. Валу.
35. Валу.

Первая страница обложки: Чемпион мира по парашютному спорту юномосков Надежда Пряхина. За высочайшее мастерство, проявленное награжденная Ленинской медалью.

Четвертая страница обложки: Ученица 10-го класса 72-й школы рабочей молодежи г. Москвы Маргарита Свириденко только что закончила дистанцию. Сейчас за победу борются ее товарищи по команде. «Буржестини вперед!» «Идите, выйдите!» Отстался один круг! — кричит Маргарита.

Фото В. Тюккеля.

Главный редактор М. А. Вельчко. Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Лукин, А. Ремезов.

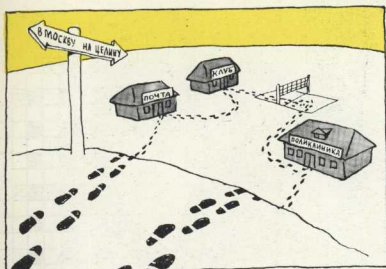
Оформление номера В. Урина. Технический редактор О. Швога.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ясного поля, 28. Тел. Д 3-34-24. А 04235. Подписано и печатно 7/У 1958 г. Тираж 360 000 экз.

Изд. № 483. Заказ № 993. Формат бумаги 70х108мм. 1,75 бум. л.—4,8 лев. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

«Бин» в гостях у «Дятла»

Следы пребывания на целине одного из студентов.

Сегодня в гости к «Дятлу» пришла «Бин». Так называется стенная сатирическая газета, выпускаемая студентами Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева. «Бин» — значит «Бьем и не стесняемся».

Слезомонитор

Некоторые студенты «выплакивают» отметки на экзаменах.

Моментальное руководство

В студенческом научном обществе часто меняются руководители.

— Снимаем!.. Следующий!

С сыном ЗА СТИПЕНДИЕЙ

Март.

Апрель.

Май.

